

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 1 (5)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Уфа – 2021

12+

Научный журнал

Издается с 2020 года 4 раза в год

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019 года.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор, техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 29.03.2021.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 10,7. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 26. Цена свободная.

LAW:
№ 1 (5) 2021 RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, assistant professor of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rustem Raisovich Subkhangulov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Mass Media Registration Certificate: PI № FS 77 – 77364 is dated December 31, 2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (marked: “Law: retrospective and perspective”).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 29.03.2021. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 10,7. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 26. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 8

Теория права

Асеев И. А., Каримов Р. Р. Проблемы формирования системы внутренней безопасности современной России в борьбе с терроризмом 8

Бредихин А. Л. Идеологические основы становления российской государственности и права 13

Чернова Э. Р., Олейник Р. Р. Опыт функционирования органов судейского сообщества в зарубежных странах 18

Публично-правовой блок

Ахметова И. Н. Деятельность подразделений по вопросам миграции МВД России по противодействию нелегальной миграции: вопросы теории и практики 23

Каримова Г. Ю. О роли участкового уполномоченного полиции в профилактике правонарушений несовершеннолетних в современных реалиях 28

Самигуллин В. К., Файрушина М. З. Основные направления развития российской избирательной системы 33

Уголовно-правовой блок

Биккинин И. А., Ермоленко Т. В. Основные направления становления правового регулирования уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности 38

Газизов Т. И. К вопросу об уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ) 44

Диваева И. Р., Ермоленко Т. В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны 50

Курсаев А. В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования 56

Макеева И. С., Жижилева А. А. Административная преюдиция в уголовном праве: особенности конструирования норм и их применения 64

Мансурова З. Р. Субкультуры в молодежной среде 70

Нугаева Э. Д., Ермолаева Л. Н. Некоторые проблемные аспекты, возникающие на этапе возбуждения и расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 74

Нуркаева М. К. Природа уголовной ответственности 80

Памятка 85

CONTENTS

Scientific articles and reports 8

Theory of Law

- Aseev I. A., Karimov R. R.* The problems of formation of the system of internal security of modern Russia in the fight against terrorism 8
- Bredikhin A. L.* Ideological foundations for the formation of the russian statehood and law . . . 13
- Chernova E. R., Oleynik R. R.* Experience of functioning of judicial community bodies in foreign countries 18

Public-legal section

- Akhmetova I. N.* Activity of divisions on migration issues of the Interior Ministry of Russia on combating illegal migration: questions of theory and practice. 23
- Karimova G. Y.* On the role of the district police commissioner in the prevention of juvenile delinquency in modern realities 28
- Samigullin V. K., Fayrushina M. Z.* The main directions of development of the Russian electoral system 33

Criminal-legal section

- Bikkinin I. A., Ermolenko T. V.* The main directions of the formation of legal regulation of criminal liability for illegal implementation of medical and pharmaceutical activities 38
- Gazizov T. I.* To the question of criminal liability for the provision of services not meeting the security requirements (article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation). 44
- Divaeva I. R., Ermolenko T. V.* Responsibility of healthcare professionals for disclosure of medical confidentiality 50
- Kursaev A. V.* Current issues of criminal liability for exerting illegal influence on the result of an official sports competition 56
- Makeeva I. S., Zhizhileva A. A.* Administrative prejudice in criminal law: features of the design of the regulations and their application 64
- Mansurova Z. R.* Subcultures in the youth environment 70
- Nugaeva E. D., Ermolaeva L. N.* Some problematic aspects that arise at the stage of initiation and investigation of criminal cases for crimes under Part 1 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 74
- Nurkaeva M. K.* Nature of criminal liability. 80

Instruction. 85

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 323.28:243.85(470)

И. А. АСЕЕВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

I. A. ASEEV, Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History, Associate Professor (Ufa)

Р. Р. КАРИМОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

R. R. KARIMOV, Head of the Department of History and Theory of State and Law Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

PROBLEMS OF FORMATION OF THE SYSTEM OF INTERNAL SECURITY OF MODERN RUSSIA IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Аннотация. В статье рассматривается деятельность по противодействию терроризму. Анализируются нормативные документы, направленные на борьбу с терроризмом. Отмечается, что Российская Федерация принимает комплексные меры по противодействию террористической угрозе, нормативная правовая база носит плановый и долгосрочный характер. Отдельно обозначены факторы, способствующие его распространению. Эффективность борьбы с терроризмом также зависит от решения других важных проблем и вызовов, среди которых на первый план выдвигаются религиозный экстремизм, национализм, радикализм. Определяются предложения по совершенствованию деятельности, направленной на борьбу с терроризмом.

Ключевые слова и словосочетания: терроризм, сотрудничество государств, безопасность, национальные интересы, концепция внутренней безопасности.

***Annotation.** The article deals with the activities of countering terrorism. The normative documents aimed at combating terrorism are analyzed. The article notes that the Russian Federation takes comprehensive measures to counter the terrorist threat, and the regulatory framework is planned and long-term in nature. Separately, the factors contributing to its spread are indicated. The effectiveness of the fight against terrorism also depends on the solution of other important problems and challenges, among which religious extremism, nationalism, and radicalism come to the fore. Proposals for improving the activities aimed at combating terrorism are identified.*

***Keywords and phrases:** terrorism, cooperation of states, security, national interests, the concept of internal security.*

Несмотря на все усилия мирового сообщества в борьбе с терроризмом, эта проблема по-прежнему остается весьма актуальной. Используя жесткие, изощренные, технологичные методы проведения террористических актов, современный терроризм выступает, безусловно, как первостепенная угроза безопасности для граждан любого государства. Получив доступ к химическому, бактериологическому, ядерному и другим видам оружия возможны такие масштабы их применения террористами, которые превзойдут по катастрофическим последствиям все предыдущие известные террористические акты.

Терроризм проявляется в самых разных контекстах и принимает разные формы. В качестве общих черт зачастую выделяют:

- опасность (для жизни, здоровья или имущества);
- попытку преднамеренно подорвать государственные устои, в частности путем оказания влияния на политических и государственных деятелей;
- неизбирательный подход с целью посеять страх и ужас среди населения.

Каждая страна мира и международное сообщество постоянно находятся в состоянии борьбы с терроризмом. Противодействие терроризму осуществляется различными способами, одним из которых является законодательный. Так, например, международно-правовая база сотрудничества государств в борьбе с терроризмом является необходимой основой реализации одной из основных функций государства, а именно обеспе-

чения безопасности граждан, общества и страны в целом [1, с. 60].

Понятие «терроризм» и связанные с ним преступления должны быть четко сформулированы во внутреннем законодательстве. Соответствующие законы и постановления должны быть доступны для общественности и эффективно применяться государственными органами. Такое условие является одним из необходимых для действенной борьбы с терроризмом.

Государства обязаны обеспечивать защиту от террористических актов. Для этого необходимо, чтобы они уделяли особое внимание предотвращению терроризма. Это отражается в их международно-правовых обязательствах и политических обязательствах.

Российская Федерация была и остается одним из объектов международного терроризма, к сожалению этому способствует ряд определенных факторов.

Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, общественность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности совер-

шенствуется структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти. В частности, в настоящее время эффективно выполняет свои функции Совет безопасности Российской Федерации – конституционный совещательный орган при Президенте Российской Федерации, реализуется Национальный план противодействия коррупции, развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм, национализм и этнический сепаратизм; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов; формируется долгосрочная концепция комплексного развития и совершенствования правоохранительных органов и спецслужб, укрепляются социальные гарантии их сотрудников, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные средства и техника, развивается система профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности; укрепляется режим безопасного функционирования предприятий, организаций и учреждений оборонно-промышленного, ядерного, химического и атомно-энергетического комплексов страны, а также объектов жизнеобеспечения населения; повышается социальная ответственность органов обеспечения государственной и общественной безопасности.

Угрозу безопасности в пограничной сфере представляют деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Фе-

дерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организации каналов незаконной миграции [2].

Концепция внутренней безопасности современной России в борьбе с терроризмом достаточно полно разработана, но вместе с тем важен продуктивный всеобъемлющий анализ, который необходимо уделить внимание в первую очередь, а чему во вторую.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации включает в себя основные угрозы государственной и общественной безопасности, в том числе и деятельность террористических и экстремистских организаций, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и многие другие угрозы.

Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма. Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб [3].

Необходимо проявлять большую гибкость в реализации превентивной стратегии в борьбе с терроризмом. Эта стратегия может включать в себя противодействие производству и накоплению оружия массового поражения, усиленное воспрещение контрабанды и противозаконного финансирования, проникновение в террористические ячейки, проведение тайных рейдов, направленных против террористов и их пособников.

Необходимо создание структур, в которых будут работать специалисты по информационной борьбе, тайным акциям, дипломатии, прикрытию и дезинформации, разведывательной деятельности, психологическим операциям, агентурной разведке и радиоэлектронной разведке. Разработка новых видов обнаружения и слежения за целями, совершенствование агентурной разведки должны рассматриваться в качестве ключевых направлений в сфере разведки.

Прослеживается необходимость в создании таких структур, которые наделялись бы новыми полномочиями, позволяющими активно проводить координирующую роль: наращивать требуемые возможности и инфраструктуру, обеспечивать координацию разведывательной деятельности и контролировать превентивные меры.

Отличительной чертой новой опасности является то, что ее нельзя четко отнести к ответственности какого-либо одного министерства. Подобное разделение размывается в условиях терроризма сегодняшнего дня. В связи с этим должно взаимодействие в работе всех многочисленных органов крайне важна. Бюрократизм в их работе – одна из важнейших проблем в реформировании всей системы обеспечения безопасности, в том числе и разведывательных служб. Важно не допустить соперничества в обеспечении разведывательной информации, в ее анализе и предоставлении руководству страны. Потребуются многие годы для консолидации функций новых структур

управления и координации, объединения и совершенствования их сил и усилий.

Опыт структурной реорганизации с целью повышения эффективности работы Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности может быть использован вполне оправданно.

Возможно расширить задачи сил специального назначения, например антитеррористические мобильные отряды, имеющие специальную подготовку и специальное оружие, которые будут решать задачи по преследованию отдельных террористических группировок. В связи с этим возможно планировать дополнительные силовые структуры и новое вооружение.

Еще одно направление в сфере внутренней безопасности Российской Федерации – это так называемые, контртеррористические технологии, и в этом смысле создание новых технологий безопасности, которые должны быть быстро поставлены на вооружение, крайне важно. Это могут быть специальные приборы или системы для обнаружения химических, биологических, радиологических и ядерных опасностей.

Особое значение для внутренней безопасности в настоящее время имеет общенациональная стратегия привлечения отечественных биотехнологических и фармацевтических структур как союзников и источников в деле внутренней безопасности. Специалисты по биологическому оружию, биообороне и общественному здравоохранению должны быть привлечены к работе в структурах по внутренней безопасности, участвовать в стратегическом планировании, формировании политики и в осуществлении программ общественного здравоохранения. Функции общественного здравоохранения и биомедицинской обороны должны быть интегрированы с системой внутренней безопасности.

Большого внимания заслуживает защита от химических и биологических атак. В этой связи крайне необходимо

усилить существующие подразделения, их координацию, в том числе путем избежания дублирования. Необходимо координировать деятельность этих подразделений с другими организациями, например, с Министерством здравоохранения Российской Федерации. Также важны проблемы, связанные с атаками в киберпространстве. Российская Федерация является объектом подобных атак. И в этой связи важно взаимодействие с другими странами в принятии плановых мер.

Новая террористическая угроза является по своему характеру транснациональной, и невозможно ни одной стране действовать в одиночку. Сотрудничество возможно не только в обмене информацией, но и в форме конференций и диалогов [4].

Если руководствоваться эффективностью стратегии внутренней безопасности, то необходимо, чтобы стратегия обеспечения общественного здоровья была одним из ее краеугольных камней. В этом смысле запасы лекарств и вакцин и их сохранность крайне важны.

Также важным аспектом в деле противодействия терроризму является устранение условий, способствующих его распространению, а именно:

– негативных социально-экономических факторов, таких как коррупция, без-

работица, особенно среди молодежи;

– дискриминации по этническому, религиозному и другим признакам.

Также, невзирая на имеющуюся нормативно-законодательную базу и принимаемые надлежащими органами меры, продолжают совершаться акты террористической деятельности. Поэтому нужно:

– производить мониторинг внедрения законов в сфере противодействия террористической угрозе;

– производить изучение заграничной нормативной законодательной базы с последующим внедрением позитивного опыта;

– интенсивно привлекать общественность в работу по профилактике террористической деятельности и его разных проявлений;

– проводить работу по созданию в обществе атмосферы неприятия террористической деятельности.

Таким образом, для борьбы с современным терроризмом важна не только координация существующих в настоящее время сил и средств, но и инициативы по созданию новых возможностей для внутренней безопасности. В этом смысле президент и правительство могут быть инициатором программ инвестиций по созданию новых возможностей в сфере внутренней безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каримов Р. Р. К вопросу формирования международно-правового механизма сотрудничества государств в борьбе с терроризмом // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 60 – 63.
2. Стратегия национальной безопасности РФ от 13 мая 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 18.02.2021).
3. Стратегия национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 18.02.2021).
4. Каримов Р. Р. Генезис договорно-правового механизма сотрудничества государств в сфере противодействия терроризму в XX – XXI вв. : монография. Уфа : УЮИ МВД России, 2010. 147 с.

© Асеев И. А.
© Каримов Р. Р.

УДК 340.121(470)''08/15''

А. Л. БРЕДИХИН, старший преподаватель кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург)

A. L. BREDIKHIN, Senior Instructor of Mathematics and Informatics Department of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Juridical Science (St. Petersburg)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF THE RUSSIAN STATEHOOD AND LAW

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются идеологические основы, которые повлияли на становление государства и права России в IX – XVI вв. и обеспечили легитимность государственной власти. В статье называются два основных идеологических направления: идеология «старины» и византийское религиозное и идеологическое наследие. Первое направление осуществлялось путем идеализации прошлого, в том числе мифологизированных событий. Второе направление осуществлялось путем заимствования православного религиозного учения и традиций. Автор подчеркивает, что идеология «старины» и религиозная православная идеология повлияли на становление и развитие российской государственности и определили идеологию Русского централизованного государства.

Ключевые слова и словосочетания: идеология, идеологические основы, княжеская власть, православие, Византия, «старина», монгольское наследие.

Annotation. This article deals with the ideological foundations that influenced the formation of the state and law of Russia in the 9th-16th centuries, and ensured the legitimacy of state power. The article refers to two main ideological directions: the ideology of «antiquity and the Byzantine religious and ideological heritage. The first direction was carried out by idealizing the past, including mythologized events. The second direction was carried out by borrowing Orthodox religious teachings and traditions. The author emphasizes that the ideology of «old times» and the religious Orthodox ideology influenced the formation and development of the Russian statehood and determined the ideology of the Russian centralized state.

Keywords and phrases: ideology, ideological foundations, princely power, Orthodoxy, Byzantium, «antiquity», Mongolian heritage.

Российская государственность и право возникают в результате влияния многочисленных политических, экономических, культурных и других причин. Безусловно, возникновение русского государства происходило не изолированно от других культур и государств, поэтому многие институты власти и права были заимствованы. Между тем тесное пере-

плетение культур и исторических традиций привело к формированию самобытной государственно-правовой системы, некоторые черты которой можно обнаружить и в современности.

Ограниченность исторических документов, а также недостаточно развитая правовая система не позволяют проследить весь механизм эволюции государ-

ственности и права русского государства на ранних этапах его развития, а также выявить концепцию государственности (идеи, ценности, государственное устройство и т. п.), поэтому многие выводы можно сделать лишь предположительно, что влечет множество противоположных мнений в научной среде относительно тех или иных государственных событий и правовых институтов.

Не вызывает сомнений тот факт, что создание государственных и правовых институтов, каким путем бы это не происходило, должно быть обеспечено идеологическим обоснованием для легитимации власти и права в обществе. Следовательно, необходимо выявить основные идеологические концепции и установки, которые стали основой для становления государственности и права России в период ранней государственности.

Период ранней государственности можно условно определить с IX по XVI вв., так как в названный период идет процесс создания единого русского государства, в котором идеологические основы государственности формируют единую государственную идеологию.

Традиционно в качестве основных теорий возникновения русского государства выделяют норманнскую, анти-норманнскую (т. е. отрицание того, что именно варяги создали государство на территории Руси), а также другие теории, которые чаще всего аккумулируют норманнское влияние и самобытные общественные отношения славянских племен. Долгое время в советской истории господствовала так называемая «марксистская теория» возникновения русского государства, объяснявшая этот процесс, прежде всего, развитием товарно-денежных и экономических отношений, приведшим к расслоению общества на эксплуататоров (государство) и эксплуатируемое население. Не имея целью поддержать тот или иной подход, следует

предположить, что без идеологической легитимации происходящих процессов названные теории сами по себе не ведут к образованию государственности.

Становление государства и права идет всегда параллельно, поэтому любые детерминанты возникновения государства будут таковыми и для права того или иного публично-правового образования. Идеологическая основа как государственной, так и правовой системы также определяется одними и теми же концепциями.

Считаем, что становление и развитие русского государства и права было связано с двумя основными идеологическими направлениями:

1. Идеология «старины», то есть идеализация истории, традиций и обычаев предков, одобрение государственного устройства прошлого, а также деяний прежних правителей (в ту или иную эпоху).

Довольно часто события и поступки прошлого мифологизировались, т. е. формировались сказания и легенды, направленные на формирование гордости, уважения и почитания предков, их мудрости и величия. Тем самым, обосновывается легитимность государственной власти и существующего государственного порядка.

Так, примерно в 1520-х гг. появляется произведение «Сказание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, в котором не только говорится об императорской (византийской) генеалогии московских князей, но и в разрез с исторической логикой и хронологией утверждается, что Владимир Мономах во время похода к Царьграду получил из рук деда, императора Константина Мономаха, шапку с драгоценностями и титул цезаря (царя) [1, с. 53].

В научной литературе выделяются несколько функций, которые выполняла идеология «старины» («историческая идеология»): эвристическая, которая состоит в «способности разрабатывать

умозрительные модели (проекты) новых политических отношений и правовых институтов, причем, что они уже реально существовали в истории и теперь лишь заново открываются (познаются)»; оценочно-позитивная – «возможность при помощи идеологических идеом обосновывать (оправдывать) те или иные политические решения или законодательные акты, сравнивая их с успешными аналогиями в прошлом («исторические примеры»); направляющая (методологическая) функция, реализуемая исторической идеологией, связана с ее способностью порождать те или иные идеи и образы, которые, будучи усвоенными властью и обществом, становятся ориентирами и критериями государственной деятельности и иных культурно-общественных процессов [2, с. 37].

В этой связи В. Котляревский отмечал, что «Положение монарха имеет гораздо более историческое, чем юридическое обоснование» [3, с. 130].

В рамках этой концепции формируются также обычаи и традиции, которые непосредственно связаны с организацией власти и правопорядка. Эти обычаи и традиции с распространением письменности получают свою формализацию в нормативных сборниках, тем самым конституируется как государственное, так и общественно-правовое устройство. Так, например, существовавший в качестве обычая Юрьев день (который стал ориентиром определения срока для перехода крестьян) был окончательно узаконен в Судебнике 1497 г.

2. Византийское религиозное и идеологическое наследие. Принятие христианства по византийскому типу на Руси в 988 г. имело огромное цивилизационное значение, определившее вектор развития государства на многие века. Переняв православие, Русь воспринимает как религиозные нормы, повлиявшие главным образом на становление и развитие права, так и культурные и цивилизационные традиции, повлиявшие на развитие

государственности русского государства. О влиянии греко-римского наследия (Византии) на право древнерусского государства говорит известный историк С. М. Соловьев, отмечая при этом незначительное влияние норманнов [4, с. 26].

В дохристианский период в области правового строительства в древнерусском государстве шли два смежных процесса: во-первых, переработка и правовое оформление первобытных обычаев, содержащих обычные нормы, а также традиций (т. е. устойчивых культурно-воспроизводимых образцов и социально-психологических стереотипов поведения); во-вторых, заимствование правовых норм и соответствующих правовых понятий и представлений – из римско-византийской, германской, норманнской и других правовых систем [5, с. 10].

Наиболее ранними источниками, свидетельствующими о «внедрении» заимствованных правовых норм в правовую систему Древнерусского государства, являются мирные договоры между киевскими князьями с одной стороны, и Византийской империей с другой. Наиболее известными являются договоры Руси с Византией 907-го, 911-го, 945-го и 972-го гг. Договоры регулировали вопросы, связанные с выплатой дани греков русским, порядок проживания, поведения и содержания войск и гостей русских, касались регулирования имущественных и уголовно-правовых отношений между греками и русскими, находящимися в Византии и др. [6, с. 44]. Впрочем, нельзя сказать, что эти договоры характеризовали сколько-нибудь правовые системы русского государства и Византии, скорее, эти договоры были составлены на конкретный случай, чтобы согласовать обычаи и нормы Руси и Византийской империи. Из анализа этих договоров и других источников древнерусского права можно предположить, что заимствовались в основном нормы и институты уголовного права и в меньшей

степени гражданско-правовых отраслей. Начиная с принятия христианства (ориентировочно с 988 г.), православие приобретало статус официальной религии в обществе Древней Руси, и с этого момента начинается формирование правового сознания [7, с. 150].

В целом, влияние православной религии на правовую систему Руси происходило как путем непосредственной рецепции канонических норм и памятников, так и в виде восприятия религиозно-богословской мысли и христианской этики, которые определяли нравственные ориентиры «земной жизни».

Если рассматривать прямое заимствование в нормативной сфере, то следует в качестве примера отметить, что некоторые нормы церковного права в Древней Руси полностью или в несколько приспособленном виде повторяют византийский Номоканон (установления Вселенских соборов). Следует отметить, что как византийские нормы влияли на развитие общественных отношений, так и действительность влияла на форму выражения этих нормативных и моральных предписаний в законодательстве Руси. Таким образом, адаптация и приспособление норм византийской морали и права рождало новое правовое сознание и правовое устройство русского государства. Так, например, название первого развитого юридического документа Древней Руси «Русская Правда» приобрело нравственно окрашенный вид, а не стало именоваться «Законом», как это было принято в Византии.

Влияние религиозно-богословской мысли на развитие государственности и права не столь явно, так как в законодательстве почти не имелось какого-либо упоминания о священных книгах или учениях как части правовой системы. Тем не менее такое влияние было значительным, но проявлялось оно косвенно, путем влияния не на правовые, а на общественные нормы (морально-этические главным образом).

В первую очередь нужно сказать, что сам факт принятия христианства продиктован именно влиянием православной религиозной доктрины, в том числе связанной с деятельностью христианских проповедников. Те, в свою очередь, опирались как на священное писание, так и на трактаты великих богословов: Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и др.

С православием Русь восприняла и огромное интеллектуальное богатство Византийской культуры, связанное, в первую очередь, с распространением религиозной и философской литературы, что стало причиной повышения уровня грамотности среди населения. Монастыри и церкви становятся не только местом богослужения, но и интеллектуальными центрами. Духовенство в этот период имеет тесное взаимодействие с государством, выдвигает свои законодательные инициативы, влияет на решения, принимаемые князьями. Князья ориентируются на позицию церкви по тому или иному вопросу, что влияет на принятие или непринятие того или иного правового акта или распоряжения.

Влияние христианского учения можно проследить в законодательстве того периода. Так, отсутствие в «Русской Правде» смертной казни могло быть продиктовано заповедью «Не убий», недопустимостью лишения жизни человека. Владимир Мономах в своем Поучении давал детям наставление не убивать ни правого, ни виноватого, хотя бы кто был повинен в смерти [8, с. 206]. Интерес представляет и установление в процессуальном законодательстве такого вида доказательства, как «клятва крестом» [9, с. 39 – 40], которое должно было стать критерием искренности и правдивости показаний верующих христиан.

Основываясь на идее о происхождении власти от Бога, князья, как верующие христиане, уверовали в свою миссию «установления правды на земле». Как отмечает В. О. Ключевский, «сама

идея законодательной обязанности, свыше возложенной на государя, мысль о возможности и даже необходимости регулировать общественную жизнь волею власти была привнесена нам с христианством, внушалась с церковной стороны» [8, с. 195].

Некоторые отрасли права, в особенности семейно-брачное право, претерпело серьезные изменения под влиянием христианского учения. Так, сформированные в рамках язычества традиции многоженства, наложничества и пр., стали противоречить христианской морали. Более того, с течением времени брак стал заключаться исключительно в форме церковного венчания и только в этом случае имел правовые последствия. Церковь уже не позволяла развод, так как христианская мораль следовала идее «заключения брака на небесах». Только в исключительных случаях церковь допускала возможность признания брака недействительным: при нарушении брачного возраста, при наличии супруга у лица, вступающего в брак; при заключении четвертого брака; при заключении брака в запрещенной степени родства и свойства [6, с. 184].

Таким образом, идеология «старинны» и религиозная православная идеология повлияли на становление и развитие российской государственности и определили идеологию Русского централизованного государства.

Говоря об идеологическом влиянии на развитие государственности и права России, нельзя не отметить традиции и

методы управления, установившиеся в период монголо-татарского ига. Конечно, нельзя сказать, что это культивировалось и поддерживалось как концепция со стороны княжеской власти, но неправильно и отрицать его фактического влияния на общественное сознание.

И. Д. Беляев отмечает, что «татарские ханы в своем управлении Россией строго держались наставлений Чингисхана, выраженных им в его книге «Тунджин» (книга запретов)» [10, с. 245]. Это означает, что управление на Руси вынужденно воспринимало чуждую идеологию, отличающуюся от домонгольского устройства Руси. С. В. Иньков в этой связи указывает, что Россия унаследовала от периода монгольского ига «сильную княжескую власть, крепкую административную организацию, четкую систему сбора налогов, дисциплинированный и сменяемый государственный аппарат» [11, с. 7].

Таким образом, идеологические основы российской государственности формируются в рамках двух основных идеологий – идеологии «старинны», основанной на культе прошлого и восприятии его как некоего «золотого века», а также на православной религиозно-нравственной традиции. Как государство, так и право Руси легитимируется в рамках этих концепций. Идеология монгольской империи не стала частью официально признаваемой идеологической системы России, но все же сформировала некоторые привычные подходы к организации власти и управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мадорский А. Русский хронограф. Вся православная Россия времен от Рюрика до Николая Второго. М., 1999. 398 с.
2. Глушаченко С. Б., Евсеев А. В., Конюкова Т. Е., Лядов А. О., Сальников М. В. Российское право IX – XIX вв. (исторические зарисовки) / под общ. ред. Сальникова В. П. СПб., 2002. 168 с.
3. Котляревский В. Юридические предпосылки русских основных законов. СПб., 1912. 223 с.
4. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989. 768 с.

5. Лядов А. О., Романов И. Е. Православная (византийская) идеология как один из источников древнерусского права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 4. С. 10 – 15.

6. Нижник Н. С. История отечественного права и государства (IX – XVI века): Древняя и Средневековая Русь : учебное пособие. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. 272 с.

7. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1988. 736 с.

8. Ключевский В. О. Русская История. Кн. 1 М., 1997. 572 с.

9. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти т. Т. 2–3. М., 1991. 828 с.

10. Беляев И. Д. История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии». СПб. : Лань, 1999. 640 с.

11. Иньков С. В. Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII – XV вв. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 20 с.

© Бредихин А. Л.

УДК 347.962(100)

Э. Р. ЧЕРНОВА, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. R. CHERNOVA, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

Р. Р. ОЛЕЙНИК, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Уфа)

R. R. OLEYNIK, Senior instructor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History (Ufa)

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

EXPERIENCE OF FUNCTIONING OF JUDICIAL COMMUNITY BODIES IN FOREIGN COUNTRIES

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный опыт функционирования органов судейского сообщества. Авторы отмечают, что на современном этапе выделяются две модели организации органов судейского сообщества: северо-европейская и южно-европейская. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что не существует единой «европейской нормы», которой должны соответствовать органы судебного сообщества. В статье изучен опыт функционирования органов судейского сообщества стран Италии, Фран-

ции, Польши, Королевства Бельгии и Республики Беларусь. Авторами отмечено, что данный орган занимает важнейшее место в судебной системе зарубежных стран и способствует независимости судебной власти, при этом он не является государственным органом и обеспечивает равновесие всех ветвей власти. Благодаря этой особенности органы судейского сообщества способны противостоять давлению извне.

Ключевые слова и словосочетания: суд, судья, судейское сообщество, органы судейского самоуправления.

Annotation. The article deals with the foreign experience of the functioning of the judicial community bodies. The authors note that at the present stage, two models of the organization of the judicial community bodies are distinguished: Northern European and Southern European. The conducted comparative legal analysis allows us to conclude that there is no single «European norm» that the bodies of the judicial community must comply with. The article examines the experience of functioning of the judicial community bodies of Italy, France, Poland, the Kingdom of Belgium and the Republic of Belarus. The authors note that this body occupies an important place in the judicial system of foreign countries and promotes the independence of the judiciary, while it is not a state body and ensures the balance of all branches of government. Thanks to this feature, the bodies of the judicial community are able to resist external pressure.

Keywords and phrases: court, judge, judicial community, judicial self-government bodies.

Органы судейского сообщества получили широкое распространение в зарубежных странах, постепенно становясь необходимым инструментом для обеспечения независимости судебной власти. В то же самое время не существует единой «европейской нормы», которой соответствуют органы судейского сообщества.

Анализируя зарубежный опыт функционирования органов судейского сообщества, следует отметить, что в современной европейской правовой мысли аксиомой является утверждение, согласно которому условием политической свободы граждан является независимость судей от других ветвей власти [1, с. 452]. В таких условиях повышается роль органов судейского сообщества в обеспечении независимости и самостоятельности судебной власти.

Достаточно активная деятельность органов, наделенных судебными полномочиями, должна быть подкреплена особыми судебными полномочиями и особыми гарантиями. Применение более формализованных методов их деятельности является необходимым для того, чтобы разного рода личностные факторы не могли препятствовать распределению и выполнению задач по отправлению пра-

восудия. Автономность судебной власти касается ее организационной структуры. При этом наиболее важным является обеспечение независимости судебной власти от исполнительной. Такая независимость будет подорвана в том случае, если к ведению органов исполнительной власти будут отнесены функции, связанные с обеспечением работы магистратов и в целом касающиеся их статуса. Решить данную проблему позволило создание органов судейского сообщества, на которые и были возложены соответствующие полномочия. Кроме того, автономность судебной власти от законодательной обеспечивается посредством принятия положений, согласно которым магистраты должны подчиняться только закону.

В настоящее время выделяют две модели организации органов судейского сообщества:

– североевропейская модель характеризуется тем, что к компетенции органов судейского сообщества относится решение организационных задач по финансированию и материально-техническому обеспечению судебной системы (например, в Швеции, Дании, Ирландии). В этих странах органы судейского сообщества участвуют в общеадминистративном и

бюджетном управлении судами, решении вопросов материально-технического обеспечения, компьютеризации судов, подготовки и переподготовки судей;

– южноевропейская модель, предполагает участие органов судейского сообщества в отборе, обучении, перемещении судей и привлечении их к дисциплинарной ответственности (Франция, Италия, Испания, Бельгия) [2, с. 39].

Исследуя полномочия органов судейского сообщества в зарубежных странах, следует отметить, что они принимают важные вопросы в отношении судей. Однако, например, во Франции, Италии, Бельгии органы судейского сообщества также принимают решения в отношении магистратов из числа судей и магистратов из числа прокуроров [3, с. 84].

Как нами было уже отмечено, в настоящее время судебная система Российской Федерации в целом, а также органы судейского сообщества нашей страны пребывают в процессе реформирования [4, с. 19]. Представляется, что многие подходы, положительно зарекомендовавшие себя в зарубежных странах со сходными правовыми системами, несомненно, заслуживают внимания и подробного изучения.

Высший совет магистратуры Италии был учрежден в 1907 году в период развития системы органов публичной власти Италии, когда взаимодействие между судебной системой и политической жизнью Италии было наименьшим, с целью обеспечения защиты интересов магистратов. Компетенция Высшего совета магистратуры не распространяется на членов Конституционного суда Италии, порядок назначения которых предусматривается соответствующими статьями Конституции Италии, а также на систему административных судов, обеспечение контроля и независимости которой обеспечивается иными органами.

Высший совет магистратуры Италии обеспечивает надлежащее регулирование деятельности магистратов, для чего

в том числе каждые два года утверждает штатные расписания судебных органов судебных округов страны, а также утверждает критерии, применяющиеся при передаче отдельных категорий дел определенным магистратам. Кроме того, Высший совет магистратуры характеризуется как особый орган административной юрисдикции, который обеспечивает автономность и независимость магистратов [5].

Взаимоотношения Высшего совета магистратуры Италии с органами исполнительной власти, в частности, Правительством Италии, основываются на принципах автономности и независимости судебной системы и предполагают обеспечение эффективного отправления правосудия. В частности, Высший совет магистратуры Италии выражает свое мнение относительно законопроектов, которые могут оказать влияние на работу судебной системы Италии. Он вправе вносить предложения по изменению судебных округов, а также по иным вопросам, связанным с организацией системы отправления правосудия, что способствует достижению вышеуказанных целей.

Судебные органы реализуют свои судебные полномочия независимо. Министерство юстиции Италии, осуществляя централизованное регулирование и обеспечивая четкое функционирование судебной системы, при этом не вправе вмешиваться в назначения на должности магистратов и продвижение их по службе. Специально предназначенным для этого органом является Высший совет магистратуры, что способствует независимости судебной системы страны в целом.

Взаимодействие Высшего совета магистратуры Италии с Парламентом страны, в свою очередь, также основывается на принципах автономности и независимости. В основном контакты этих органов реализуются в форме диалога. Так, к примеру, Высший совет магистратуры

туры ежегодно направляет в Парламент Италии доклады о состоянии судебной системы, в которых определяются существующие в данной области проблемы и выдвигаются предложения о необходимости ее совершенствования.

Компетенция Высшего совета магистратуры не распространяется на членов Конституционного суда Италии, порядок назначения которых предусматривается соответствующими статьями Конституции Италии, а также на систему административных судов, обеспечение контроля и независимости которой обеспечивается иными органами [6, с. 5].

В соответствии со ст. 107 Конституции Италии только Высший совет магистратуры компетентен принимать решения об увольнении, отстранении от должности магистрантов, их переводе на другие судебные или иные должности. Высший совет магистратуры принимает решение, которое должно быть основано действующего законодательства о судостроительстве или с согласия самих магистратов.

Вопросы дисциплинарного производства возложены на Дисциплинарную комиссию. Инициатором дисциплинарного производства может быть Министр юстиции или Генеральный прокурор Высшего кассационного суда. В Дисциплинарную комиссию входит шесть постоянных членов и четыре их замещающих.

Во Франции Высший совет магистратуры – это конституционный орган, целью деятельности которого является обеспечение независимости судебной власти, он также является и особым дисциплинарным судебным органом (дисциплинарным судом) для судей и прокуроров [7].

Высший совет магистратуры занимает важнейшее место в судебной системе страны. Кроме дисциплинарных полномочий, именно он представляет к назначению магистратов-судей и высказывает мнение в отношении назначения маги-

стратов-прокуроров. Особо отмечается, что присутствует необходимость в существовании Высшего совета магистратуры, который способен противостоять давлению [8, с. 112].

В Польше полномочия Совета, являющегося органом судейского сообщества, широки в кадровых (относительно судей) вопросах. Они касаются перевода судей на другие должности и дачи согласия на продолжение осуществления полномочий судьи лицами, достигшими 65-летнего возраста; этического поведения судей; привлечения судей к дисциплинарной ответственности [9].

В Польше действуют и дисциплинарные (в отношении судей и состоящие из выбранных общими собраниями судей) суды; есть ассоциация судей, именуемая «Юстиция» и действующая в форме общественной организации.

В Республике Беларусь также огромное значение играют органы судейского сообщества. В круг их задач входит:

- укрепление судебной системы;
- обеспечение самостоятельности и независимости судебной власти;
- выражение интересов судей.

Решая поставленные задачи, органы судейского сообщества влияют на процессы функционирования и организации деятельности судов. При этом такое влияние не оказывается непосредственно на правосудие и иные полномочия, возложенные на судей. При этом система судов, действующая в республике, считается эффективной. Судейское сообщество образуют судьи Конституционного Суда, судьи Верховного суда, судьи судов общей юрисдикции и экономических судов, а также судьи в отставке [10].

Помимо организационных задач, на органы судейского сообщества возложена функция обеспечения передачи из поколения в поколения опыта судейской деятельности, сформированных традиций, обеспечения роста авторитета судебной власти и ее укрепления [11, с. 103].

Необходимо отметить, что судебная система (и, соответственно, органы судейского сообщества, имеющие важные полномочия в сфере формирования судебного корпуса, привлечения его членов к дисциплинарной ответственности, различных направлений организационного обеспечения судов) в европейских государствах также находится в процессе постоянного совершенствования, что вызвано причинами как социального, так и политического характера. К примеру, создание в 1998 году Высшего совета юстиции Королевства Бельгия как независимого и постоянно действующего органа, осуществляющего контроль над функционированием судебной системы, было связано с массовыми гражданскими протестами, вызванными в том числе недовольством качеством работы судебной системы страны (хотя планы по его учреждению существовали задолго до этого).

Таким образом, органы судейского сообщества в зарубежных государствах достаточно распространены. На современном этапе выделяются две мо-

дели организации органов судейского сообщества: северо-европейская и южно-европейская. При этом нет единой законодательной базы, которой должны соответствовать органы судебного сообщества. Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что данный орган занимает важнейшее место в судебной системе зарубежных стран, способствует независимости судебной системы и обеспечивает равновесие всех ветвей власти.

Изучив опыт функционирования органов судейского сообщества в странах Италии, Франции, Польши, мы пришли к выводу, что органы судейского сообщества нельзя отнести к государственным органам, ввиду того, что они не наделены свойственными для них признаками. Во-первых, действуют не от имени государства, а от собственного имени. Во-вторых, для осуществления государственно-властных полномочий используют формы и методы, которые присущи самоуправлению, не имеют материальных ресурсов. В третьих, не имеют прав юридического лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очередыко В. П., Ковбенко Н. Д. Органы судейского сообщества зарубежных стран // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 452 – 455.
2. Куделич Е. А. Органы судейского сообщества как механизм обеспечения независимости судебной власти: мировой опыт // Закон. 2010. № 2. С. 35 – 46.
3. Бурдина Е. В. Органы судейского сообщества в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 6 (103). С. 84 – 97.
4. Олейник Р. Р., Чернова Э. Р. Эволюция органов судейского сообщества в России: историко-правовой аспект // Право: ретроспектива и перспектива. Уфа, 2020. № 4. С. 13 – 21.
5. Об образовании и деятельности высшего совета магистратуры закон № 195 от 24 марта 1953 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=901> (дата обращения: 16.02.2021).
6. Соловьев А. А. Европейский опыт организации и функционирования органов судейского сообщества // Формирование и развитие правоохранительных и правозащитных функций государства на различных стадиях его становления: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2017. С. 5 – 14.
7. Ордонанс № 58-1270 от 22 декабря 1958 г., содержащий органический закон о статусе магистратуры URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=895> (дата обращения: 16.02.2021).
8. Соловьев А. А. Высший совет магистратуры как орган судейского сообщества Французской республики. М. : Буки Веди, 2014. 170 с.

9. Закон Польши от 12 мая 2011 г. Составлено на основании: Вестник Законов за 2011 г., № 126, поз. 714, № 203, поз. 1192 о Национальном совете юстиции URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1210> (дата обращения: 16.02.2021).

10. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей: 29 июня 2006 г., № 139-З: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020. № 63-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Нк0600139> (дата обращения: 16.02.2021).

11. Бибило В. Н. Система органов судейского сообщества в Республике Беларусь // Право.by. 2017. № 5 (49). С. 103 – 110.

© Чернова Э. Р.

© Олейник Р. Р.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 351.756:342.924.03(470)

И. Н. АХМЕТОВА, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

I. N. AKHMETOVA, Senior Instructor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Department of Internal Affairs of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ МВД РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ACTIVITY OF DIVISIONS ON MIGRATION ISSUES OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA ON COMBATING ILLEGAL MIGRATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация. Сложная экономическая ситуация в мире, стала причиной развития современных миграционных тенденций. Основная задача миграционной политики любого государства – защита интересов своего государства. Российская Федерация не является исключением. Законодательство в сфере контроля и надзора, а также обеспечения безопасности в сфере миграции совершенствуется. Проверочные мероприятия осуществляются на основе мониторинга и оценки соответствующих рисков и становятся более точными и эффективными. Основная задача, возлагаемая на подразделения по вопросам миграции МВД России, заключается в том, чтобы контроль для нарушителей был неотвратим, как и сама ответственность. В данной статье обозначены проблемы, возникающие в деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России.

Ключевые слова и словосочетания: административная ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства, административное выдворение, контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции.

Annotation. The difficult economic situation in the world has caused the development of modern migration trends. The main task of the migration policy of any state is to protect the interests of its state. The Russian Federation is no exception. Legislation in the field of control and supervision, as well as ensuring security in the field of migration, is being improved. Verification activities are carried out on the basis of monitoring and assessment of relevant risks and become more accurate and effective. The main task assigned to the migration units of the Ministry of Internal Affairs of Russia is to ensure that control for violators is inevitable, as is the responsibility itself. This article identifies the problems that arise in the activities of the migration departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords and phrases: administrative responsibility of foreign citizens and stateless persons, administrative expulsion, control and supervisory activities in the field of migration.

Современное развитие межгосударственных отношений характеризуется неуклонным увеличением объемов миграционных потоков. Несмотря на ситуацию, связанную с пандемией и закрытием границ во всем мире, «в 2020 году поставлено на миграционный учет 9,8 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, выдано 127 тысяч разрешений на работу. Приобрели гражданство Российской Федерации 656 тысяч (в 2019 году – 498 тысяч)» [1]. Основной целью миграционной политики Российской Федерации является «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, а также защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе» [2].

Одним из направлений деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России является «осуществление федерального государственного контроля в сфере миграции» [3]. Контрольно-надзорную деятельность осуществляют 4196 человек (14,4 %), 2707 (9,3 %) из них осуществляют контроль за пребыванием, проживанием и осуществлением трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Для снижения рисков причинения ущерба охраняемым законом ценностям, предупреждения нарушений действующе-

щего законодательства подразделениями по вопросам миграции проводятся проверочные мероприятия. В рамках складывающейся эпидемиологической обстановки на территории Иркутской области проведено 9629 проверок, по результатам которых выявлено 8214 нарушений миграционного законодательства. В отношении иностранных граждан, нарушивших сроки своего пребывания в России и неоднократно привлеченными к административной ответственности, принято 1526 решений о неразрешении въезда. Направлено 1821 представление о закрытии въезда в Россию, вынесено 134 решения о депортации [4].

Анализ проверочных мероприятий и выявленные административные правонарушения показывают, что наиболее типичными нарушениями в сфере миграции, совершаемыми иностранными гражданами, являются:

- нарушение правил въезда;
- отсутствие документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации;
- осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешительных документов;
- уклонение от выезда по истечении срока пребывания.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» закре-

пляет, что «срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток» [5]. По окончании срока пребывания иностранец обязан выехать из страны, если он не оформил документы на осуществление трудовой деятельности или иные разрешительные документы.

Несмотря на то, что норма «девяносто суток в течение каждого периода в сто восемьдесят суток» действует с 2013 года, нарушения указанных правил имеют место быть. Наиболее типичным нарушением в данном случае является то, что иностранцы, у которых закончился срок пребывания в нашей стране, выезжают из России и в тот же день или последующий возвращаются обратно, ошибочно считая, что новый въезд дает им право вновь на законных основаниях находиться в Российской Федерации. Однако если мигрант находился в России в срок до девяноста суток с момента въезда и выехав из страны, вновь возвращается, срок его законного срока пребывания ограничен днями, которые в совокупности с предыдущим сроком пребывания составит девяносто суток.

Указанные факты свидетельствуют не о злом нарушении миграционного законодательства со стороны мигрантов, а о неверном понимании ими сроков своего нахождения на территории России. Ошибочно связывая свое законное нахождение в Российской Федерации и исчисление нового срока пребывания только с пересечением границы. Подразделениями по вопросам миграции проводится значительная работа по разъяснению миграционного законодательства путем размещения информации на стендах территориальных органов, на официальных сайтах, выступлениях в СМИ и т. д.

Нарушение законодательства в сфере миграции являются тем обстоятельством,

которое влечет применение такого вида наказания, как административное выдворение. Однако «на практику привлечения к административной ответственности иностранных граждан большое влияние оказывают нормы международного права» [6, с. 236]. Как неоднократно отмечалось, наиболее часто иностранные граждане, длительный период времени находящиеся в России без законных на то оснований, «высказывают позицию о невозможности назначения наказания в виде административного выдворения, в связи (по мнению выдворяемого) с нарушением его прав, предусмотренных ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [7, с. 53].

Зная о том, что срок пребывания на территории России закончился, иностранные граждане уклоняются от выезда в страну своей гражданской принадлежности и не предпринимают никаких действий по легализации своего нахождения. Они не имеют документов, удостоверяющих личность, и не принимают каких-либо действий по их восстановлению, длительное время не состоят на миграционном учете, работают без оформления соответствующих документов. Правонарушение пресекается лишь должностными лицами подразделений полиции.

Так, гражданин Таджикистана Д. прибыл в Российскую Федерацию в 2008 году с целью работы по найму. Имел разрешение на работу, а также разрешение на временное проживание до 27 июня 2012 года. Однако по его окончании из России не выехал, каких-либо разрешительных документов не оформил. Кроме того, у Д. в 2012 году истек срок действия паспорта гражданина Республики Таджикистан. Из представленных копий свидетельств о рождении 4 детей установлено, что гражданин Таджикистана Д. отцом детей не указан.

Постановлением районного суда от 10 декабря 2019 года гражданин Таджикистана Д. был признан виновным

в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа без выдворения. Однако Д. до февраля 2020 года действий для документирования и законного пребывания на территории России не предпринял. В феврале 2020 года он вновь был выявлен сотрудниками полиции.

Опрошенная в качестве свидетеля Д. Д., пояснила, что состоит с Д. в фактических брачных отношениях с 1996 года, имеет четверых детей, отцом которых является Д., с которым они ведут совместное хозяйство, проживают совместно. Она и дети являются гражданами Российской Федерации. Отчество детей в свидетельствах о рождении детей указано с ошибкой по её вине. Других доказательств, свидетельствующих о фактических брачных отношениях с гражданином Д., не представлено. Вместе с тем «суд посчитал что назначение Д. дополнительного вида наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации не будет являться соразмерным и единственно возможным способом достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства» [8].

Данный пример показывает, что иностранный гражданин, длительное время незаконно находящийся на территории Российской Федерации, неоднократно привлекаемый к административной ответственности за нарушение режима пребывания, не делает попыток для легализации своего пребывания в России, а дальнейшие его действия по законному пребыванию вызывают сомнения. Как верно отметил Ю. В. Морозов, «используемые меры административной ответственности не всегда достигают своих целей» [9, с. 231].

«Развитие иммиграционных процессов порождает высокий уровень незаконной миграции, которая создает проблемы обеспечения безопасности государств»

[10, с. 19]. Верховный суд РФ сформулировал свою позицию, отмечая, что «наличие у иностранного гражданина родственников, имеющих гражданство Российской Федерации и проживающих на ее территории, не освобождает иностранного гражданина от обязанности соблюдать миграционное законодательство страны пребывания и не является основанием к невозможности применения к нему наказания в виде административного выдворения за ее пределы» [11].

Российская Федерация является второй страной в мире по числу мигрантов, и численность их остается стабильной на протяжении последних лет. Большинство мигрантов прибывают в страну на законных основаниях, но в течение срока пребывания по какой-то причине утрачивают это право. Нелегальная миграция ведет к росту социальной напряженности, что значительно осложняет криминогенную обстановку. Осознавая важность и масштабы миграции, которая затрагивает миллионы людей, принимая во внимание тот факт, что миграция является причиной серьезных проблем, важно выработать конкретные меры противодействия незаконной миграции.

Действующее законодательство не предусматривает ни постановку на миграционный учет [12], ни предоставление права на дальнейшее пребывание на территории нашей страны иностранца, длительное время незаконно находящегося в Российской Федерации и в отношении которого суд назначил административное наказание в виде штрафа, без назначения дополнительного вида наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. Сотрудники подразделений по вопросам миграции МВД России не могут самостоятельно легализовать мигранта. Необходимо решить вопрос о судьбе таких иностранных граждан.

В качестве варианта решения проблемы можно применить аналогию о регистрации по месту жительства или

по месту пребывания граждан Российской Федерации на основании решения суда. Внести в Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» дополнительное основание постановления на миграционный учет – «на основании решения суда». Если установить при подобном решении вопроса даже минимальные сроки постановления на миграционный учет, например 30 дней, это дало

бы возможность мигранту предпринять какие-либо действия для своего дальнейшего нахождения в России (например, получить патент на осуществление трудовой деятельности). При принятии подобного решения, значительно упростилась бы процедура легализации и дальнейшего пребывания лица, длительный период времени находящегося на территории Российской Федерации без законных оснований и имеющего родственников, граждан Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.02.2021).
2. О Концепции государственной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы : указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Положения о главном управлении по вопросам миграции МВД России: приказ МВД России от 23 декабря 2019 г. № 940. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.02.2021).
4. Информация о реализации полномочий в сфере миграции на территории Иркутской области по результатам деятельности за 12 месяцев 2020 года // <https://38.мвд.рф> (дата обращения: 23.02.2021).
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Потапенкова И. Н., Ярмонова Е. Н. Некоторые особенности административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 235 – 239.
7. Майорова Е. Н. К вопросу об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства // Актуальные проблемы предварительного расследования в ОВД. 2015. № 4 (7). С. 51 – 55.
8. Постановление по делу об административном правонарушении Октябрьского суда г. Иркутска от 13 февраля 2020 г. URL: <http://oktiabrsky.irk.sudrf.ru> (дата обращения: 23.02.2021).
9. Морозов Ю. В. Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации: основные проблемы и пути их реализации // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. 2016. № 5. С. 231 – 237.
10. Ахметова И. Н., Горевая А. А. Меры принудительного возвращения иностранных граждан // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 19 – 23.
11. Постановление Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 64-АД20-3. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 23.02.2021).
12. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ахметова И. Н.

УДК 351.745.078:343.851.5(470)

Г. Ю. КАРИМОВА, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. Y. KARIMOVA, Senior Instructor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

О РОЛИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

ON THE ROLE OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER IN THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN REALITIES

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции на обслуживаемом административном участке. Проанализировано содержание основных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Проведен сравнительный анализ ранее действовавшего приказа МВД России от 31 декабря 2012 года № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» и нового приказа МВД России от 29 марта 2019 года № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» в части, касающейся профилактики правонарушений. Отмечено, что при реализации профилактической деятельности выбор средств и методов профилактического воздействия с учетом особенностей личности профилактируемых лиц участковым уполномоченным полиции осуществляется самостоятельно. Раскрыты особенности функционирования публичной политики участковых уполномоченных в российских реалиях.

Ключевые слова и словосочетания: участковый уполномоченный полиции, несовершеннолетние, предупреждение, профилактика, административный участок, правонарушение.

Annotation. The article deals with the main activities of the district police commissioners in the serviced administrative area. The content of the main normative legal acts regulating the activities of the district police commissioner for the prevention of juvenile delinquency is analyzed. Comparative analysis of previous Ministry of internal Affairs order dated 31 December 2012 No. 1166 «the organization of the police commissioners» and the new Ministry of internal Affairs order dated 29 March 2019 № 205 «On the duty of a district police officer police accepted administrative area and the organization of work» in respect of the prevention of offences. It is noted that when implementing preventive activities, the choice of means and methods of preventive action, taking into account the personality characteristics of the persons being prevented, is carried out independently by the district police commissioner. The features of the functioning of the public policy of district commissioners in the Russian reality are revealed.

Keywords and phrases: district police commissioner, minors, prevention, prevention, administrative precinct, offense.

Основными направлениями деятельности участкового уполномочен-

ного полиции на обслуживаемом административном участке в соответствии с

законодательством являются:

- защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- выявление и раскрытие преступлений;
- производство по делам об административных правонарушениях.

Анализ действующих нормативных правовых актов показывает, что участковый уполномоченный полиции исполняет наибольшее количество функций, установленных для МВД России, что является одновременно и «великим подспорьем» в работе всего ведомства, и «великой проблемой».

При реализации профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции он вынужден сам выбирать средства и методы профилактического воздействия с учетом особенностей личности профилактируемых лиц. Здесь эффективным было бы предоставить участковым уполномоченным полиции широкие полномочия по планированию и реализации профилактического воздействия при установлении государством общих средств и методов их регламентации.

В отличие от ранее действовавшего приказа МВД России от 31 декабря 2012 года № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» новый приказ МВД России от 29 марта 2019 года № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» значительно повысил профилактическую направленность деятельности участкового уполномоченного, исключив практику «привлечения их к проверкам по зарегистрированным заявлениям и сообщениям о преступлениях экономической направленности, тяжких и особо тяжких

преступлениях, а также о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, совершенных вне территории закрепленных за ними административных участков», уделив больше внимания превентивным мероприятиям. В частности, это нашло отражение в задачах, решаемых участковым уполномоченным полиции на своем административном участке. Согласно статье 9 приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 все задачи, решаемые участковым уполномоченным полиции, носят исключительно профилактическую направленность, начиная от предупреждения преступлений и административных правонарушений и заканчивая осуществлением административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Содержание указанных задач в деятельности участкового уполномоченного полиции направлены, прежде всего, на недопущение противоправных действий со стороны проживающего населения его административного участка. В поле зрения, в первую очередь, подпадают лица, ранее привлекавшиеся к административной или уголовной ответственности.

В целом, несмотря на многообразие реализуемых направлений деятельности, профилактическая деятельность среди других функций участкового уполномоченного полиции имеет традиционно приоритетное значение.

Профилактическая деятельность полиции регламентируется значительным числом нормативных правовых актов, имеющих различную юридическую силу. Если обратиться к Федеральному закону от 07.02.2011 г. № 3 «О полиции»[1], то можно заметить, что среди основных направлений деятельности отсутствует подобная формулировка. При этом законодатель указал на предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, но не раскрыв механизм предупредительных мер, с помощью которых сотрудники полиции будут осуществлять

профилактические функции. Такой подход по-своему понятен и оправдан. Дело в том, что предусмотреть все возможные формы и методы профилактической работы практически невозможно. В зависимости от ситуации, категории лиц сотрудники полиции сами вынуждены выбирать наиболее подходящие методы воздействия, учитывая характер противоправного поведения, личностные характеристики.

Для того чтобы повысить качество организации деятельности участкового уполномоченного полиции, в том числе и по профилактике правонарушений и преступлений, необходимо создать следующие условия:

- полностью укомплектовать штат участковых уполномоченных полиции;
- установить точное количество административных участков, которые может обслуживать один участковый;
- минимизировать привлечение участковых уполномоченных полиции к выполнению задач, не связанных с обслуживанием закрепленных за ними административных участков.

Все это позволит значительно высвободить время для осуществления деятельности по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений. Профилактическая работа участкового уполномоченного полиции на своем административном участке имеет огромное значение. Участковый уполномоченный полиции в системе органов внутренних дел занимает важное место и в профилактической работе с несовершеннолетними.

Для должного функционирования всех сфер общества и государства необходимо осуществлять полное противодействие проявлениям нарушений законности. Деятельность, направленная на борьбу с преступлениями и правонарушениями, должна осуществляться надлежащим образом. Особое значение в условиях современного информационного общества приобретает слаженная ра-

бота всех государственных и негосударственных организаций по профилактике правонарушений несовершеннолетних с использованием последних достижений науки и техники. Считается, что такая работа снизит показатели рецидивной преступности и поспособствует развитию должного уровня правосознания у подрастающего поколения.

Недостаточная занятость молодежи в сфере образования, отсутствие должного уровня организации досуга и отдыха для подрастающего поколения, а также другие проблемы остаются неразрешенными во многих регионах государства. В связи с этим данные статистики свидетельствуют о ежегодном росте показателей совершения несовершеннолетними преступлений и административных правонарушений [2, с. 45].

Особенности правового положения несовершеннолетнего наиболее ярко проявляются при совершении правонарушения и приобретении им статуса лица, в отношении которого ведется производство.

В теории административного права несовершеннолетние выступают особым субъектом, что определяется особой подведомственностью – как правило, дела рассматриваются комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. Таким образом, основной задачей рассмотрения дел об административном правонарушении является не столько привлечение его к административной ответственности, сколько оказание воспитательного воздействия на сознание и коррекцию системы ценностей, моральных установок несовершеннолетнего.

Само несовершеннолетие признается обстоятельством, смягчающим административную ответственность. Следует согласиться с подобной позицией законодателя, поскольку лицо, не достигшее совершеннолетия, не совсем отдает отчет своим поступкам ввиду несформировавшейся системы ценностей, установок. Однако многие правонарушители поль-

зуются предоставленными законодателем гарантиями и правами в «своих» не всегда правомерных целях, что было бы уместным учитывать при рассмотрении дела в отношении конкретного несовершеннолетнего. Предлагается применять индивидуальный подход к каждому правонарушителю.

Рассматривая вопрос о профилактике правонарушений несовершеннолетних, необходимо учитывать всесторонние факты, отражающие личность несовершеннолетнего, а именно уровень его школьной дисциплины, успеваемость, взаимоотношение в семье, характер дружественных связей, способ проведения досуга [2, с. 47].

Новый подход современного государства, выражающийся сменой карательно-предупреждающей политики на охранно-защитную практику посредством применения комплекса мер медицинского, психологического и педагогического характера, основывает фундамент определенной поддержки такого социального института, как семья. Появилась необходимость в урегулировании вопросов отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что правоохранительными органами должно уделяться достаточное внимание предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Своевременная эффективная профилактическая работа позволяет избежать увеличения количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Нет ничего более значимого и полезного в деятельности участковых уполномоченных полиции, чем деятельность по правовому просвещению и правовому информированию лиц, не достигших возраста административной ответственности, а также профилактические беседы воспитательного характера, профилактический учет и надзор. Проводя подобную работу, прежде всего, следует обращать

внимание на недопущение вовлечения несовершеннолетних в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных и одурманивающих веществ, а также в процесс потребления табака. При этом сотрудники полиции при помощи мер образовательного, воспитательного, информационного или организационного характера должны делать акцент на имеющуюся тенденцию уменьшения количества потребителей табака, алкоголя, пропаганду здорового образа жизни.

С законопослушными несовершеннолетними лицами проводится работа в форме правового просвещения и правового информирования, вовлечения подростков в решение общественно-значимых задач. Органы внутренних дел могут осуществлять профилактическую работу совместно с общественными организациями и неформальными молодежными объединениями.

Следует отметить, что общепрофилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции должна осуществляться во взаимодействии с подразделениями территориальных органов МВД России, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, учреждениями, общественными объединениями и гражданами, поскольку должная организация данного взаимодействия во многом определяет качество и эффективность деятельности участковых уполномоченных полиции.

В условиях современного информационного общества, наряду с традиционными средствами профилактики правонарушений и взаимодействия, такими как печатные СМИ, телевидение, радио, публичные мероприятия, приобретают значение общение и взаимодействие через глобальную сеть Интернет. Особую роль выполняют социальные сети и WhatsApp. Участковым уполномоченным полиции социальные сети дают воз-

возможность вступать в коммуникацию с населением, вести разъяснительную работу и решать общественно-полезные задачи. Преимуществами такого взаимодействия с населением являются относительно дешевая стоимость (не нужно доплачивать за создание страницы в отличие от платного размещения информации в печатных СМИ), быстрое распространение информации; охват большой аудитории; открытость и прозрачность работы участкового уполномоченного полиции; возможность общаться через личные сообщения и публичные комментарии и др.

В целом, использование социальных сетей дает определенные возможности для работы службы участковых уполномоченных полиции [3, с. 333]:

- 1) неограниченный доступ граждан к информации о результатах деятельности участковых уполномоченных полиции;
- 2) коллективная работа участковых уполномоченных полиции и граждан в достижении общеполезных целей;
- 3) возможность граждан участвовать в процессах выработки политики и принятия решений через социальные сети;
- 4) использование аналитических данных социальных сетей для мониторинга общественной значимости и актуальности по различным темам и т. д.

Особую важность применение возможностей социальных сетей приобретает в работе с несовершеннолетними лицами, поскольку молодежь более прогрессивна и активно применяет последние достижения в науке и технике для времяпрепровождения и общения друг с другом. Перечисленные выше преимущества социальных сетей позволяют участковому уполномоченному полиции установить контакт с несовершеннолетними, привлекать их к обсуждению интересующих их вопросов, общественно-полезной деятельности, и, как следствие, формированию у них концепции право-

мерного законопослушного поведения.

В российских реалиях функционирование публичной политики участковых уполномоченных полиции и коммуникаций в социальных сетях имеет определенные особенности:

– за ведением социальных сетей должно быть закреплено отдельное должностное лицо, которое проверяет информацию, предоставленную участковым уполномоченным, согласовывает ее с руководством и проводит постоянный мониторинг обратной связи, публикаций в социальной сети граждан, организаций, журналистов и других;

– участковый уполномоченный полиции должен оперативно реагировать на негативные тренды и «фейковые» материалы в социальных сетях, отвечать на запросы журналистов о предоставлении информации; официально опубликовывать материалы по наиболее острым и актуальным темам и др.

Подрастающая молодежь является будущим любого государства. Принимая данный факт, каждое государство выстраивает определенные действия по формированию должного уровня воспитания к духовным, нравственным, культурным ценностям. Все эти действия целесообразно осуществлять в том числе посредством социальных сетей.

Предупреждение правонарушений несовершеннолетних необходимо осуществлять своевременно, до того, как возникнут антиобщественные установки, с помощью различных мер воспитательного, просветительского, нравственного, информационного воздействия. В условиях современного информационного общества реализация мер общепрофилактического воздействия на сознание несовершеннолетних стала возможна и с помощью применения социальных сетей и других возможностей глобальной сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3 : принят Гос. Думой 28 янв. 2011 г. : одобр. Советом Федерации 2 фев. 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Демидова-Петрова Е. В. Показатели преступности несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 45 – 52.
3. Александров Ю. Н., Смирнов В. М., Глушко М. В. Социальные сети как актуальный инструмент формирования работы с населением участковым уполномоченным полиции // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 3. С. 330 – 336.

© Каримова Г. Ю.

УДК 342.8 (470)

В. К. САМИГУЛЛИН, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

V. K. SAMIGULLIN, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor of law (Ufa)

М. З. ФАЙРУШИНА, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России, кандидат политических наук (г. Уфа)

M. Z. FAYRUSHINA, Deputy Head of the Research Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences (Ufa) M. Z. Fayrushina, Deputy Head of the Research Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences (Ufa)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**THE MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
ELECTORAL SYSTEM**

Аннотация. Статья посвящена проблематике избирательной системы. При подготовке статьи учтён закон, который легализовал понятие публичная власть. Ныне по Конституции Российской Федерации органы государственной власти и органы местного самоуправления раз-

делены и вместе с тем входят в единую систему публичной власти Российской Федерации. Публичная власть находится в ведении Российской Федерации. Сегодня в Российской Федерации сложилось обширное законодательство, посвященное выборной проблематике избирательной системы. В статье проведен его анализ в единстве с практикой его реализации, применения. Выявлены основные тенденции развития российской избирательной системы на современном этапе. В качестве таковых обозначены: демократизация, централизация, децентрализация, технологизация современной избирательной системы Российской Федерации. Отмечается, что действующая избирательная система не свободна от коррупции.

Ключевые слова и словосочетания: власть, выборы, демократия, избирательная система, избирательный процесс, Российская Федерация.

Annotation. The article is devoted to the problems of the electoral system. When preparing the article, the law that legalized the concept of public authority was taken into account. Now, according to the Constitution of the Russian Federation, state authorities and local self-government bodies are divided and at the same time are part of the unified system of public power of the Russian Federation. Public authority is under the jurisdiction of the Russian Federation. Today, the Russian Federation has developed extensive legislation on electoral issues and the electoral system. The article analyzes this legislation in unity with the practice of its implementation and application. The main trends in the development of the Russian electoral system at the present stage are identified. As such, the following are designated: democratization, centralization, decentralization, technologization of the modern electoral system of the Russian Federation. It is noted that the current electoral system is not free from corruption.

Keywords and phrases: government, elections, democracy, electoral system, electoral process, Russian Federation.

Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года [1], кардинально изменив систему органов публичной власти, определила, что основным способом их формирования являются свободные выборы, выступающие формой реализации своей власти многонациональным народом России. В части 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации закреплено, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Заметим, сегодня понятие «публичная власть» – уже конституционная правовая категория, признанная на конституционно-правовом уровне. В соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» №1-ФКЗ от 14 марта 2020 года [2] понятие «публичная власть» включено в статьи 67, 71, 80, 83, 131, 132 Конституции Российской Федерации. Согласно пункту «г» статьи 71 Конституции Российской Фе-

дерации организация публичной власти находится в ведении Российской Федерации. А в части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Таким образом, в пределах Российской Федерации ясно различаются следующие виды публичной власти: государственная власть и местное самоуправление. При этом, согласно части 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации, граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. К теме выборов относится и статья 130 Конституции Российской Федерации. В части 2 этой статьи говорится, что местное самоуправление осуществляется гражда-

нами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

На сегодня в Российской Федерации сложилось обширное законодательство, посвященное выборной проблематике, избирательной системе. Анализ этого законодательства в единстве с практикой его осуществления позволяет сделать выводы относительно его содержания, функции, структуры, характера, тенденций развития избирательной системы.

Отличительная черта современной российской публичной власти – демократичность.

Известно, что слово «демократия» производно от греческого слова, где *demos* – народ, а *kratos* – власть. Отсюда: демократия означает народовластие. Демократия, возникнув изначально в Древней Греции, прежде всего, в Ионии, как государственная система опиралась на прогрессивные по тем временам хозяйственные и национальные отношения.

Существует ряд теорий (концепций, учений) о демократии. *Демократия* – это не анархия и не бюрократизм в их классических проявлениях. В современных условиях под демократией чаще всего понимают власть большинства при соблюдении прав меньшинства. В качестве характеристик демократии указывают также на господство права, верховенство закона, разделение властей, выборность основных органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц при наличии широких прав и свобод человека и гражданина. Принято также различать непосредственную и представительную демократию.

Сегодня ведущей тенденцией (по существу, закономерностью) развития российского общества и его государственности является демократизация всех сторон социальной жизни. Это, естественно, распространяет свое значение и на развитие избирательной системы.

Демократизм российской избирательной системы проявляется в том, что избирательная система формируется не одним лицом, авторитарно, а многонациональным народом и его представителями – депутатами. Она предполагает вовлечение в избирательный процесс широких масс избирателей. В соответствии со сложившейся избирательной системой всякий и каждый, имеющий пассивное избирательное право, может быть избран в соответствующий орган государственной власти или орган местного самоуправления. Контролируемость хода избирательных кампаний и результатов выборов, возможность их оспаривания тоже могут рассматриваться как показатели демократичности современной российской избирательной системы.

Сложившаяся российская избирательная система не застывшее образование, а развивающаяся система. Ее развитию присущи две тенденции – централизация (централизм) и децентрализация (децентрализм, нецентрализм).

Централистское начало в развитии избирательной системы заложено в Конституции Российской Федерации. В Конституции Российской Федерации (пункт «г» статьи 71) формирование федеральных органов государственной власти относит к ведению Российской Федерации. Соответственно, поскольку выборы в органы государственной власти являются одним из важнейших способов их формирования, подготовка и проведение выборов в федеральные органы государственной власти относятся тоже к ведению Российской Федерации. Важнейшим (после Конституции Российской Федерации) нормативным правовым актом, регулирующим в централизованном порядке вопросы избирательной системы, особенно в части ее процедурно-процессуальной стороны, является Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

граждан Российской Федерации» [3]. Большая часть норм этого федерального закона относится ко всем выборам в Российской Федерации. Так, он определяет статус зарегистрированных депутатов вне зависимости от того, в выборах какого уровня участвуют кандидаты. Все выборы в Российской Федерации проходят в рамках единой процедуры, которая в самом общем виде выглядит следующим образом: назначение выборов, формирование избирательных комиссий, выдвижение и регистрация кандидатов, период предвыборной агитации, голосование, подведение итогов голосования и определение результатов выборов. Важно то, что нормы Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» имеют прямое действие. По существу, сегодня этот Федеральный закон в российской избирательной системе играет роль системообразующего интегративного законодательного акта. В централизации правового регулирования общественных отношений, образующихся при проведении выборов, положительным является то, что принципиальные стороны избирательной системы унифицированы, что способствует обеспечению правозаконности и правопорядка при выборах. Вместе с тем российской избирательной системе свойственна и децентрализация. Это обусловлено, по меньшей мере, следующим: федеративным устройством современной российской государственности; особенностями распределения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, которых, как известно, 85, а также полномочий между федеральными органами государственной власти и региональными органами государственной власти; тем, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, и в пределах своих полномочий они самостоятельны.

В условиях действия трех тенденций (демократизации, централизации, децентрализации) можно было бы вести речь о демократическом централизме и демократическом децентрализме в развитии избирательной системы. Но об этом не принято говорить. Идея демократического централизма отвергается как свойственная режиму советской демократии, который ныне некоторыми отождествляется с тоталитаризмом, а идея демократического децентрализма еще попросту не прижилась.

В деле гармонизации взаимодействия централизации и децентрализации в современной российской избирательной системе возникают сложности в связи с тем, что в Конституции Российской Федерации нечетко проведено разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в вопросе о правовом регулировании избирательных отношений. Не вполне ясно в чем ведении находятся те или иные вопросы избирательного законодательства – в ведении Российской Федерации, в ведении субъектов Российской Федерации или в совместном ведении. Следовательно, вопрос требует внимания и анализа.

Развитие науки и техники сказывается и на современной российской избирательной системе в том смысле, что она технологизируется, то есть во имя успешного выдвижения кандидатов в основные выборные органы государственной власти и органы местного самоуправления в избирательном процессе активно используются определенные технические и информационные средства; приемы и способы, ведущие к виртуализации выборных процедур. Следовательно, в качестве тенденции развития современной российской избирательной системы может рассматриваться ее технологизация.

Во время предвыборных кампаний предметом особой критики обычно является бюрократия и бюрократизация властных структур. Бюрократизация (от

французского *bureaucratie* – бюрократия) характерна и для избирательной системы. Причем, дело представляют иногда таким образом, что бюрократизация имеет место быть только на уровне централизованного правового регулирования, центральных органов избирательной власти. Между тем бюрократизация получила развитие и на уровне децентрализованного правового регулирования, региональных и территориальных органов избирательной власти. И чего больше в бюрократизации избирательной систе-

мы – пользы или вреда – вопрос, который нуждается в основательном изучении. Во всяком случае, в бюрократии можно обнаружить и позитив: специализацию в служебной и трудовой деятельности, наличие стандартов (правил и норм), показателей (критериев) оценки деятельности соответствующего лица, установления степени его компетентности.

Избирательный процесс несвободен от коррупционности, но это уже вопрос другого свойства, требующий специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации : Федеральный конституционный Закон от 14.03.2020 г. №1-ФКЗ : одобрен Гос. Думой 11 марта 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

© Самигуллин В. К.

© Файрушина М. З.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.347.4/.5(470)

И. А. БИККИНИН, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

I. A. BIKKININ, Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Full professor (Ufa)

Т. В. ЕРМОЛЕНКО, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

T. V. ERMOLENKO, Postgraduate of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE MAIN DIRECTIONS OF THE FORMATION OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL IMPLEMENTATION OF MEDICAL AND PHARMACEUTICAL ACTIVITIES

Аннотация. К актуальным проблемам уголовно-правовой науки относится решение вопроса об охране здоровья населения. Статья посвящена анализу незаконной медицинской деятельности и фармацевтической деятельности. В статье приведен исторический анализ норм права, регулирующих возникновение уголовной ответственности за незаконное врачевание, рассмотрены этапы становления правового регулирования уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности в России. В настоящее время уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности и фармацевтической деятельности предусмотрена статьей 235 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторами проведено исследование общественных отношений, возникающих в результате причинения уголовно-значимого вреда при осуществлении незаконной медицинской и фармацевтической деятельности. Рассмотрено действующее законодательство, которое направлено на совершенствование системы контрольно-надзорной деятельности, предоставления лицензий и иных разрешений.

Ключевые слова и словосочетания: незаконная медицинская деятельность, незаконная фармацевтическая деятельность, незаконное предпринимательство, лицензия, государственная регистрация, здоровье населения.

***Annotation.** One of the topical problems of criminal law science is the solution of the issue of protecting the health of the population. The article is devoted to the analysis of illegal medical and pharmaceutical activities. It provides a historical analysis of the legal rules, which were regulating criminal liability for illegal medicine and considers the stages of the formation of legal regulation of criminal liability for illegal medical and pharmaceutical activities in Russia. Currently, criminal liability for illegal medical and pharmaceutical activities is provided for in Article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author has conducted a study of social relations arising from the infliction of criminally significant harm in practicing illegal medical and pharmaceutical activities. The current legislation, which is aimed at improving the system of control and supervisory activities, the provision of licenses and other permits is considered.*

***Keywords and phrases:** illegal medical activity, illegal pharmaceutical activity, illegal business, license, state registration, public health.*

Любые перемены в жизни возникают на основе ранее заложенного фундамента, учитывая сложившийся образ жизни, нормы и обычаи. Отсюда следует, что при исследовании преступления, в настоящее время закрепленного статьей 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Незаконное осуществление медицинской деятельности и фармацевтической деятельности» должны быть учтены конкретные исторические обстоятельства его возникновения, с тем чтобы выявить при проведении сравнительно-правового анализа этапы становления данной уголовно-правовой нормы, дать оценку ее текущему состоянию.

Уголовно-правовая борьба с незаконным осуществлением медицинской деятельности и фармацевтической деятельности тесно взаимосвязана с развитием уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Поэтому для достижения поставленных целей настоящего исследования представляется необходимым обратиться к историческому аспекту становления законодательной техники, к ранее существовавшим правовым документам, формирование которых протекало неразрывно от развития медицины как таковой, а также от рынка медицинских услуг.

Крещение Руси, тесное сотрудничество с Византией послужило началом развития многих сфер жизни Древней Руси, в том числе и появление первых профессиональных медицинских навыков и знаний [1, с. 159]. В этот период

Древней Руси медицина разделялась по трем направлениям – монастырская, народная, светская. Одним из первых наиболее важных источников права Древней Руси является «Церковный Устав» 996 г. князя Владимира Святославича, который регулировал «монастырскую» медицину. Лечебные учреждения того времени содержались за счет церкви и располагались на ее территории.

Нормы закона, содержащиеся в своде «Русская правда», регулировали в большей мере светскую медицину. В нем впервые упоминается о «лечцах». Народная же медицина регулировалась сложившимися в то время народными обычаями.

«Судебник» 1497 г., первый русский кодифицированный свод законов, впервые закрепил и отнес преступления в сфере медицинской деятельности к группе преступлений против личности.

В 1584 г. создается Аптекарский приказ – управленческий орган для субъектов медицинской деятельности. Это учреждение осуществляло достаточно широкий спектр функций: решение вопросов, возникающих в связи с оказанием медицинской помощи, организация деятельности фармацевтических учреждений, выдача разрешений на осуществление частной медицинской практики, подготовка и комплектование будущих медицинских кадров. 22 ноября (3 декабря) 1701 г. Петр I издал указ, реформирующий деятельность аптек. Указ предписывал открыть в Москве восемь

«вольных» аптек – так в России впервые появились частные аптеки.

При Петре I начинает действовать институт освобождения от уголовной ответственности в отношении врачей в тех случаях, когда доказано, что осуществляя свои профессиональные обязанности, врач действовал в соответствии с установленными правилами и стандартами, без умысла или небрежности. Когда было доказано обратное, действия врача влекли наступление уголовной ответственности за убийство [2, с. 543].

Врачебный устав 1857 г. обязал Медицинский департамент МВД контролировать порядок осуществления медицинской деятельности. Устав закреплял наложение штрафа на врача в случае отказа в медицинской помощи больному, а в случае допущения врачебной ошибки – лишение права на осуществление медицинской практики с возможностью допуска только после сдачи особого экзамена.

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1868 г., в главе девятой «О проступках против народного здоровья» в статье 104 впервые закрепляется норма, предусматривающая наказание за нарушение порядка осуществления медицинской деятельности. Для привлечения к уголовной ответственности по данной статье была необходима совокупность обязательных признаков: отсутствие права заниматься «врачебной практикой», корыстная мотивация, причинение вреда здоровью потерпевшего в результате врачевания. В статье 106 рассматриваемого нормативного акта нашла свое отражение первая попытка закрепления нормы, предусматривающей ответственность за осуществление незаконной фармацевтической деятельности.

Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. в отделении седьмом «О нарушении уставов врачей» предполагало привлечение к уголовной ответственности за незаконную медицинскую практику и осуществление

фармацевтической деятельности чиновников и работников аптек, позволивших работать лицам без специального образования и опыта.

Согласно Уставу лечебных заведений ведомства МВД 1893 г. надзор за частными клиниками возлагался на Врачебные управы, которые были в каждой губернии. В случае нарушений деятельность таких лечебных учреждений прекращалась распоряжением министра. Правила об учреждении частных лечебных заведений от 10 июня 1903 г. устанавливали, что желающий открыть частную лечебницу обязан предоставить проект ее устава, включающий следующие сведения: «род больных, число кроватей, система устройства, методы лечения, которые планировалось в нем применять» [3, с. 14].

Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1903 г. в главе девятой «О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие» [4, с. 175] статье 195 содержало норму, на наш взгляд, приближенную к современной редакции статьи 235 УК РФ: «Не имеющий права заниматься врачебной практикой или лишенный этого права виновный во врачевании веществами ядовитыми или сильнодействующими, наказывается...». Статьи 200, 201 регламентировали деятельность управляющих аптеками, предусматривали ответственность за несоблюдение правил учета и хранения фармацевтических препаратов.

Комплекс внутренних и внешних политических и экономических процессов начала XX века привел к Революции 1917 г. По ее завершению установилась монополия государства на оказание медицинской помощи населению, ввиду чего учреждения, осуществляющие частную медицинскую деятельность, были закрыты.

Основы советской уголовной политики 1920-х гг. были положены уголовными кодексами РСФСР 1922 и 1926 гг. Первый советский УК был принят ВЦИК

26 мая 1922 г. и был основан на уже действующих законах и сложившейся судебной практике. В главе VIII статье 212 устанавливалась уголовная ответственность за «врачевание или дачу медицинских советов с корыстной целью лицам, не имеющим на то законного права» [5]. После масштабной редакции и принятия нового кодекса 1926 г. появляется статья 180, которая предусматривает наказание за занятие врачеванием лицами, не имеющими надлежаще удостоверенного медицинского образования [6]. Данный состав преступления в УК РСФСР 1960 г. располагался в главе X ст. 221: «занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования» [7].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что уголовные кодексы 1926 г., 1960 г. признавали преступлениями такие деяния, когда лечение пациентов осуществлялось лицами без специального медицинского образования необходимой степени, например, медсестра берет на себя функции и обязанности врача, хирург проводит лечение в сфере гинекологии и т. д.

Необходимо принять во внимание, что социализм предполагал отсутствие частной собственности, соответственно медицинских услуг населению не оказывалось.

Распад Советского Союза привел к изменениям во всех сферах жизни общества, в том числе в системе здравоохранения и права. Появилась страховая медицина, восстанавливались частные лечебные организации, впервые законодательно закрепилось понятие «частной медицинской практики» в «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» 1993 г.

Правом на осуществление медицинской деятельности обладали лица, получившие диплом о медицинском образовании, сертификат специалиста и лицензию. Правом выдачи разрешений на осуществление частной медицинской

практики обладала местная администрация, которая согласовывала все решения с профессиональными медицинскими ассоциациями. Так сложился механизм получения частными организациями и врачами разрешения на осуществление такой деятельности, а также механизм контроля посредством процедуры получения лицензии. Несоблюдение правил осуществления частной медицинской практики трактовалось государством как преступление, запрещенное уголовным законом. Принятый Уголовный кодекс РФ 1996 г. содержал статью 235 «Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью», предусматривающую уголовное наказание за осуществление такой деятельности без лицензии, если в результате этих действий был причинен вред здоровью пациента. Следует отметить, что сложившаяся судебная практика того времени, помимо отсутствия лицензии при оказании услуг, признавала незаконными случаи, когда лицензия была просрочена или утратила юридическую силу, а также когда медицинским работником оказывались услуги, не заявленные в приложении к лицензии [8, с. 48].

В советских уголовных кодексах 1922, 1926, 1960 гг. и в уголовном кодексе РФ, рассматриваемая норма располагается в главах, посвященных преступлениям против здоровья населения. По мнению А. И. Рарога, месторасположение нормы в системе советских кодексов обоснованно, так как основная опасность деяния заключалась в осуществлении частной медицинской практики лицом без соответствующего медицинского образования, что создавало угрозу для здоровья граждан, в то время как в УК РФ 1996 г. законодатель заложил это положение в более общий признак – отсутствие разрешения на соответствующий вид медицинской деятельности. Из чего можно заключить, что наступление уголовной ответственности связывается

не с профессиональным образованием, а с отсутствием специального разрешения. [9, с. 1522].

21 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который не содержит критериев законности осуществления возмездной частной медицинской деятельности, кроме того в нем отсутствует понятие частной медицинской деятельности (практики).

Федеральный закон №317-ФЗ от 25 ноября 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» внес изменения в статью 235 УК РФ. Слова «частная медицинская практика» были заменены на новое словосочетание «медицинская деятельность». В первую очередь данные изменения были обусловлены принятием закона № 323-ФЗ, который в статье 2 установил новый понятийный аппарат. Более детальное рассмотрение указанных нововведений позволяет сделать вывод, что изменения коснулись и признаков состава преступления. Особенности ведения медицинской и фармацевтической деятельности прямо указывают на необходимость охраны жизни и здоровья населения силами и средствами уголовного законодательства.

В настоящее время в Уголовном кодексе РФ 1996 г. ответственность за незаконное осуществление деятельности, относящейся к медицинской или фармацевтической, предусмотрена в статье 235, которая устанавливает ответственность субъектов за осуществление ими вышеуказанной деятельности без специального разрешения. Обязательность лицензирования медицинской и фармацевтической деятельности устанавливается Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных

видов деятельности» в пунктах 46 и 47 статьи 12.

Таким образом, становление правового регулирования уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности в России можно разделить на несколько этапов:

1. IX – XIV века, Средневековая Русь. Начало развития медицинских навыков и знаний, предпринимаются первые попытки регулирования деятельности «лечцев». Медицина делится на три направления: монастырская, народная, светская.

2. XV – XVII века. Принятие первого кодифицированного сборника законов (Судебник 1497 г.), который относил врачебные преступления к преступлениям против личности. Законодательное регулирование медицинской деятельности, в том числе и частной только зарождается.

3. XVIII в. – 1917 г. На этом этапе происходит формирование законодательства в сфере здравоохранения, появление первых актов регулирующих деятельность «вольнопрактикующих» врачей, устанавливаются правила об учреждении частных лечебниц. В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1868 г., впервые закрепляется норма, влекущая уголовную ответственность за нарушение порядка осуществления медицинской деятельности.

4. 1917 – начало 90-х гг. Утверждение капиталистических отношений повлекло за собой широкое развитие государственной медицины, ввиду чего осуществление частной медицинской деятельности постепенно сокращалось, а в последствии было запрещено. Происходит совершенствование системы подготовки медицинских кадров. Уголовный кодекс 1926 г. закрепил ответственность за врачевание без надлежащим образом удостоверенного медицинского образования.

5. 1993 – 2013 гг. Распад СССР привел к появлению страховой медицины,

возникновению частных медицинских и фармацевтических организаций. Уголовный кодекс 1996 г. закрепил статью, предусматривающую уголовное наказание за незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, то есть за ведение такой деятельности без лицензии.

В последние годы Правительством РФ проводится так называемая «Регуляторная гильотина», которая направлена на совершенствование системы контрольно-надзорной деятельности. В этой связи был принят ряд нормативных правовых актов, затрагивающих процесс осуществления медицинской и фармацевтической деятельности.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» определяет правовые и организационные основы установления в нормативных актах требований, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках госконтроля, предоставления лицензий и иных разрешений. Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения приказом № 6262 от 16 июля 2020 г. утвердила «Ведомственную программу профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, федерального государственного надзора в сфере обращения лекарственных средств и государственного контроля за обращением медицинских изделий», определив субъектами профилактических мероприятий при осуществлении контроля качества и безопасности медицинской деятельности

являются медицинские и фармацевтические организации, а также индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие медицинскую деятельность.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» своей целью имеет предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Пункт 3 статьи 2 настоящего Федерального закона закрепляет право государственных органов власти на проведение плановых и внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий в отношении юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию.

Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности способствует цивилизованному развитию сферы медицинских и фармацевтических услуг, побуждает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к оказанию в пределах их полномочий качественной и безопасной медицинской помощи, реализации населению качественных и безопасных медикаментов, обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан России в сфере здравоохранения.

Обобщая вышесказанное, приходим к выводу, что развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере незаконного осуществления медицинской деятельности и фармацевтической деятельности, проходило постепенно и поэтапно в прямой зависимости от времени, политического и экономического строя, правовой регламентации общественных отношений в сфере охраны здоровья граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов В. Л., Попова Н. П. Правовые основы медицинской деятельности : справ.-информ. пособие. СПб., 1999. С. 256.

2. Нуралиева З. А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 54 – 544.
3. Полный свод законов Российской империи. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный. Издание неофициальное. СПб., 1905. 136 с.
4. Новое Уголовное Уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С – ПЕТЕРБУРГЪ. Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова 1903. С. 173 – 182. URL: <http://www.knigafund.ru/books> (дата обращения: 21.12.2020).
5. Уголовный кодекс РСФСР: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2020).
6. Уголовный кодекс РСФСР: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2020).
7. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден Указом Президиума ВС РСФСР от 27.10.1960. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2020).
8. Спасенников Б. А. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (комментарий к ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Медицинское право. 2012, № 4. С. 47 – 49.
9. Головненков П., Рарог А. И., Хелльманн У. Ответственность врачей за профессиональную недобросовестность по уголовному законодательству России и фармацевтическое уголовное право Германии // Lex Russica. М. : МГЮА, 2008, № 6. С. 1517 – 1543.

© Биккинин И. А.

© Ермоленко Т. В.

УДК 343.347(470)

Т. И. ГАЗИЗОВ, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

T. I. GAZIZOV, Instructor of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ (СТ. 238 УК РФ)

TO THE QUESTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE PROVISION OF SERVICES NOT MEETING THE SECURITY REQUIREMENTS (ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. В статье рассматривается анализ актуальных вопросов оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, ответственность за которые предусмотрена статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации. Приоритетным направлением государ-

ственной политики является создание условий для развития бизнеса и оказание ему всесторонней поддержки. Однако вместе с политикой стимулирования предпринимательской активности на рынке увеличивается количество недобросовестных предпринимателей, оказывающих некачественные и несоответствующие требованиям безопасности услуги. За такие деяния предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, уголовное законодательство, права потребителей.

Annotation. The article examines the analysis of topical issues in the provision of services that do not meet safety requirements, the responsibility for which is provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The priority direction of state policy is to create conditions for the development of business and provide it with comprehensive support. However, along with the policy of stimulating entrepreneurial activity in the market, the number of unscrupulous entrepreneurs providing low-quality and inappropriate services is increasing. For such acts, criminal liability is provided in accordance with Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords and phrases: provision of services that do not meet safety requirements, criminal legislation, consumer rights.

Понятие качества «услуг» приводится в статье 4 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 №2301-1 «О защите прав потребителей». В соответствии с указанным законом услугой является действие или целый комплекс действий, которые совершаются в интересах потребителя.

Сама сущность понятия «услуги» в статье 4 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 №2301-1 «О защите прав потребителей» не раскрывается полностью. Дело в том, что это определение не позволяет отграничить услуги от работ, за некачественное проведение которых установлена ответственность в соответствии с Гражданским и Уголовным кодексами Российской Федерации. В. Т. Батычко указывает на основные признаки услуг. Так, услуги потребляются в процессе осуществления, их оказание не приводит к созданию о вещественного результата. С учетом данных признаков можно провести разграничение между услугами и работами. Если рассматривать услуги как предмет преступления, то они должны представлять общественную опасность. Ряд экспертов заявляет о фактической опасности для жизни граждан, а не предполагаемой опасности [1].

Оценить опасность услуг, которые не соответствуют требованиям безопасности, сложно. В связи с этим вывод о несоответствии услуг требованиям безопасности можно сделать только при условии установления, что услуги нарушают какие-то конкретные нормативные правовые акты.

В соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», услугами, не отвечающими требованиям безопасности, выступают такие услуги, как качество их оказания, которое выражает ненадлежащее выполнение и создает реальную опасность для жизни и здоровья человека.

Часть 1 статьи 238 УК РФ сконструирована как формальный состав преступления. Оно считается оконченным с момента оказания услуг, при этом не имеет значения, наступил реальный вред или нет.

В ч. 2 ст. 238 УК РФ приводится перечень последствий, которые могут наступить в результате оказания услуг, не соответствующих требованиям безопасности. Неоднозначно мнение экспертов

о субъекте такого преступления. Рассматривая в качестве исполнителя услуг, подразумевается организация с любой организационно-правовой формой, а также предприниматель. Этот исполнитель оказывает услуги на основании возмездного договора. Поэтому целый ряд экспертов заявляет о том, что в качестве исполнителя может быть признано физическое лицо, руководитель фирмы, а также предприниматель.

Это спорное утверждение, так как пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 17 от 28.06.2012 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» предусмотрено, что даже предприниматели, которые не являются юридическими лицами, не имеют право ссылаться на отсутствие статуса предпринимателя. В отношении таких сделок применяются положения Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2301-1 «О защите прав потребителей». Поэтому физические лица несут ответственность по статье 238 УК РФ в случае оказания услуг, которые не отвечают требованиям безопасности. Данный проблемный вопрос также был разъяснен Пленумом Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», определив, что субъектом рассматриваемого деяния может выступать не только руководитель организации либо индивидуальный предприниматель, но и любое лицо, предоставляющее небезопасные услуги [2]. Об этом свидетельствуют и примеры из судебной практики еще до принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующего постановления.

Так, Юрьевецкий районный суд Ивановской области 02.12.2016 признал В. виновным по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Суть дела была в следующем: гражданин без лицензии, будучи судовладельцем и су-

дководителем маломерного судна, осуществил перевозку 5 человек. Этим были нарушены правила по нормам пассажировместимости. Кроме того, было установлено, что на маломерном судне не было спасательного круга и сигнальных средств, не был проведен инструктаж для пассажиров. Поэтому гражданин был признан виновным в нарушении Правил по пользованию маломерными судами на водных объектах. В этом и других подобных примерах необходимо ограничивать преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, от преступлений, ответственность за которые предусмотрена в соответствии со ст. ст. 263 и 268 УК РФ. Вместе с тем в ч. 1 ст. 238 УК РФ указывается на то, что ответственность предусматривается за оказание услуг для потребителей, которые не соответствуют требованиям безопасности.

Среди специалистов не сложилось однозначного мнения по формам вины. В. Морозов считает, что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК РФ, может быть совершено умышленно или по неосторожности. В последнем случае речь идет о неосознании виновным того, что услуги не соответствуют требованиям безопасности [3].

Мы считаем, что субъективная сторона преступления ч. 1 ст. 238 УК РФ характеризуется только умышленной формой вины. Анализ судебной практики подтверждает это. Так, на наличие умысла могут указывать разные факторы: самостоятельное изменение конструкции транспортных средств и механизмов; наличие вынесенного постановления о запрете деятельности или ее приостановке с одновременным продолжением гражданина деятельности по оказанию услуг; наличие у гражданина должностных полномочий, подразумевающих осведомленность о несоответствии оказываемых услуг требованиям безопасности и т. д. Точка в этом споре также была поставлена высшей судебной инстанцией, которая четко указала на необходимость

установления судом умысла на несоответствие указания услуг требованиям безопасности [2].

Согласно части 3 статьи 238 УК РФ уголовная ответственность наступает за оказание таких услуг, в результате предоставления которых по неосторожности был причинен вред с наступлением смерти двух и более лиц. Ответственность наступает только при доказательстве того, что лицо, совершившее преступление, осознавало характер своих действий и несоответствие оказываемых услуг требованиям безопасности. С учетом этого мнения Конституционного Суда РФ, поставщик, который оказывает услуги, должен осознавать факт оказания услуги и ее реальную опасность. Требование к доказыванию прямого умысла создает проблемы в доказывании факта продажи услуг, которые не соответствуют требованиям безопасности. Задачей стороны обвинения будет доказательство факта предоставления услуги и умысла на её оказание, которые не соответствуют требованиям безопасности [4].

Сторона обвинения также должна доказать возможность наступления негативных последствий в результате оказания такой услуги. Обычно лицо, которое осуществляет оказание услуг, не может знать, что какие-то услуги из предоставляемого перечня не соответствуют требованиям безопасности. К примеру, при оказании услуг по строительству исполнитель не может знать технологические особенности производства строительных материалов. Также для доказывания вины в предоставлении услуг, которые не соответствуют требованиям безопасности, нужно провести экспертное исследование.

Если брать в качестве примера Краснодарский край, то вся правоприменительная практика по ст. 238 УК РФ базируется на заключениях Роспотребнадзора и других ведомств. Заключение Роспотребнадзора и других ведомственных учреждений могут рассматриваться

как заключения экспертов. Несоответствие предоставляемых услуг требованиям безопасности устанавливалось на основании заключений специалистов от разных государственных ведомств. В ряде случаев к подготовке заключений привлекались сотрудники территориальных подразделений Роспотребнадзора, которые не являются экспертами, занимая ту или иную должность. Это рассматривалось как основание для возвращения дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ. В судебной практике есть случаи, когда в проведении экспертиз участвуют коммерческие экспертные учреждения. В других случаях для подготовки выводов о небезопасности услуг правоохранители привлекают специалистов в области медицины, строительства и т. д. [5]

В соответствии со статьей 238 УК РФ возникают следующие трудности в правоприменительной практике. Законодателем на уровне федеральных законов не установлено, кто из специалистов тех или иных ведомств имеет право делать выводы о небезопасности предоставляемых услуг. Решить проблему можно с разработкой методики, которая будет регулировать требования и порядок для проведения комплексных экспертиз. Для участия в этой деятельности должны привлекаться специалисты узкого профиля, чтобы они могли исследовать порядок предоставления услуги, условия ее предоставления и т. д. Разработка методики необходима для определения критериев опасности в отношении тех или иных видов услуг, которые предоставляются населению. Представляется необходимой и оценка степени опасности услуг для жизни и здоровья потребителей.

Пока же не сложилось однозначной судебной практики по опасности услуг, предоставляемых для населения. На законодательном уровне предмет ст. 238 УК РФ не раскрыт. Чтобы правильно квалифицировать преступление, нужно

обращаться к другим правовым актам, которыми регулируется предоставление услуг в той или иной сфере жизнедеятельности. К сожалению не гарантируется, что такие нормы будут согласованы друг с другом в связи с тем, что понятие безопасности продукции по-разному трактуется в разных законодательных актах. Если обращаться к Закону Российской Федерации от 07.02.1992 № 2301-1 «О защите прав потребителей», то безопасность определяется в отношении жизни, здоровья и имущества граждан. Нормами ГОСТа предусматривается регулирование требований по отношению к составу продукции. В то же время в них не приводится перечня той продукции и ее признаков, которые позволяют сделать вывод о вредности продукции и небезопасности ее использования при оказании услуг.

Отметим, что даже если при оказании услуг используется продукция, которая не соответствует требованиям ГОСТа, это еще не означает, что ее использование является небезопасным для здоровья. Некоторые эксперты склоняются к мнению о том, что если невозможно определить состав тех или иных товаров, используемых при оказании услуг, то это уже является основанием для признания продукции небезопасной, так как она несет угрозу для жизни и здоровья потребителей услуг. Если проводится экспертиза в отношении какой-либо услуги и продукции, используемой для ее оказания, то перед экспертами должен быть поставлен конкретный вопрос о том, что же является опасным для потребителя. К примеру, если речь идет об использовании строительных материалов при выполнении ремонта, то небезопасность может быть обусловлена применением при выполнении работ материалов, опасных для дыхания и выделяющих вредные летучие вещества в процессе эксплуатации.

Парадоксально, но если опираться на то, что товары, изготовленные с нарушением ГОСТа, являются опасными,

то любую услугу, где они используются, можно признать опасной для жизни и здоровья населения. В качестве примера можно привести организацию экскурсий по новому маршруту, на котором физически невозможно использовать средства связи для информирования поисково-спасательных служб о своем передвижении по маршруту. Небезопасной также будет признана экскурсия, в ходе которой возможно столкновение с дикими животными. Использование в салонах красоты просроченных косметических средств тоже будет нарушением, даже если эти средства соответствуют требованиям ГОСТа [6].

Если проводить аналогию со сложившейся практикой по реализации и привлечению к ответственности за продажу некачественной спиртосодержащей продукции, то тогда к ответственности можно привлечь и поставщиков холодной воды в многоэтажные жилые дома. Дело в том, что в большинстве случаев такая вода не соответствует требованиям ГОСТа, следовательно, ее подача является опасной для жизни и здоровья потребителей. Небезопасной будет услуга по поставке воды после проведения ремонтных работ на водопроводе в связи с наличием в воде песка, следов ржавчины.

На уровне закона не приводятся объемы оказываемых услуг, за оказание которых наступает уголовная ответственность при условии, что эти услуги не являются безопасными для жизни и здоровья населения. Если рассматривать тот же пример с ремонтом труб и подачей воды со следами ржавчины и песком, то ответственность может наступить как в целом за попадание этих элементов в систему водоснабжения, так и за их постоянное нахождение в сетях водоснабжения.

Можно рассмотреть пример с оказанием услуг массажа квалифицированным специалистом. Представим, что у него есть сертификат, подтверждающий прохождение соответствующих курсов.

Клиент, который воспользовался услугами, через некоторое время столкнулся с воспалением в мышечных тканях. Как тут можно соотнести оказание услуг массажа и воспалительный процесс? Даже если судить на уровне экспертных заключений, то теоретически воспалительный процесс мог начаться на фоне разных внутренних и внешних факторов. И привлечь массажиста к ответственности здесь будет невозможно, поскольку отсутствует умысел, сами услуги предоставляются на основе подтвержденной квалификации.

В случае с салонами красоты, где нарушения встречаются повсеместно, есть своя специфика привлечения к от-

ветственности за оказание небезопасных услуг. К примеру, это может быть удаление татуировки тела с соблюдением базовых требований к стерильности инструмента и наличием знаний по работе с лазерным оборудованием. Негативные последствия для организма могут наступить при нарушении правил реабилитации, к примеру, когда после оказания услуги клиент пошел загорать в солярий и получил ожог кожи.

Разумеется, перечисленные вопросы при квалификации, расследовании оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, не являются исчерпывающими, что требует дальнейших научных разработок по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китаева В. Н. Судебные экспертизы при расследовании уголовных дел о травмировании, гибели людей упавшими ледяными образованиями, снегом // Российский следователь. 2015. № 12. С. 22 – 25.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 3 июля. № 142.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2016. 1040 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Контракт, 2014. 672 с.
5. Колосовский В. В., Савченко А. Н. Установление потерпевшего и субъекта преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ // Уголовный процесс. 2018. № 3. С. 11 – 13.
6. Юркина Т. П. Проблемы квалификации обращения фальсифицированных лекарственных средств // Медицинское право. 2017. № 1. С. 21 – 25.

© Газизов Т. И.

УДК 343.45:614.253.84(470)

И. Р. ДИВАЕВА, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

I. R. DIVAEVA, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

Т. В. ЕРМОЛЕНКО, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

T. V. ERMOLENKO, Postgraduate of Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ

RESPONSIBILITY OF HEALTHCARE PROFESSIONALS FOR DISCLOSURE OF MEDICAL CONFIDENTIALITY

Аннотация. Среди основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных и гарантированных Конституцией Российской Федерации, право на неприкосновенность частной (личной) жизни человека занимает особое место. Неприкосновенность частной жизни человека является его основным конституционным правом. Статья посвящена вопросу возникновения уголовной ответственности медицинских работников в случае разглашения ими конфиденциальных сведений, составляющих врачебную тайну. Рассмотрен порядок действия медицинских организаций в случае смерти пациента. Раскрываются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрены установленные законодателем пределы неприкосновенности частной жизни человека и пределы допустимого вмешательства в нее. Описаны случаи, когда допускается разглашение медицинской тайны, в том числе о наличии у пациента коронавирусной инфекции.

Ключевые слова и словосочетания: неприкосновенность частной жизни, врачебная тайна, медицинские работники, пациент, конфиденциальные сведения, коронавирусная инфекция.

Annotation. Among the fundamental rights and freedoms of man and citizen, enshrined and guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, the right to inviolability of a person's private (personal) life takes a special place. The inviolability of a person's private life is his fundamental constitutional right. The article is devoted to the issues of criminal liability of medical workers for disclosing medical (professional) secrecy. The objective and subjective signs of *corpus delicti* provided for by article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed. The cases when it is allowed to disclose medical secrets, including the presence of a coronavirus infection in a patient, are considered, as well as the limits of the inviolability of a person's private life and the limits of permissible interference in it.

Keywords and phrases: *privacy, medical confidentiality, healthcare professionals, patient, confidential information, coronavirus infection.*

Международные правовые акты в области прав человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г и др.), а также Конституция 1993 г. провозглашают право человека на неприкосновенность частной жизни, ссылаясь на личные права и свободы человека и гражданина. Государством своим гражданам гарантирована возможность не допускать разглашения конфиденциальной информации и проверять информацию о себе.

Без адекватной правовой защиты это право остается не более чем декларацией. Целью инструментов уголовного законодательства является предотвращение противоправных действий, обеспечение права граждан на неприкосновенность частной жизни и установление оснований для уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Право человека на неприкосновенность личной жизни – непосредственный объект указанного состава преступления.

Следует отметить, что в текущей редакции статьи применяется формулировка «сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну». Полагаем, что такое определение, используемое законодателем, необоснованно сужает объем информации, составляющей личную тайну человека.

В действительности, уголовным законом под охрану берется частная жизнь человека в целом, понятие «частные тайны» сложно по своей сущности, разделение таких тайн является условным. Кроме того, так называемые «профессиональные тайны» по своей сути являются тайнами частной жизни. В соответствии

с пунктом 4 Перечня, утвержденного Указом Президента РФ от 06.03.1997 г. «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», сопряженные с профессиональной деятельностью сведения, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, следует относить к сведениям конфиденциального характера. К профессиональным тайнам следует относить информацию, полученную, например, врачами в ходе осуществления своих прямых трудовых обязанностей. Считаем, что было бы логично исключить из диспозиции части 1 статьи 137 УК РФ слова: «составляющих его личную или семейную тайну» ввиду того, что уголовным законом должна охраняться личная жизнь человека в целом.

В соответствии с частью 1 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ данные об обращениях граждан за медицинской помощью, информация о состоянии их здоровья и диагнозе, а также другая информация, полученная в ходе медицинских осмотров и лечения, являются врачебной тайной. В большинстве случаев ее разглашение квалифицируется по части 1 статьи 137 УК РФ. Рассмотрим данный состав преступления применительно к деятельности медицинских сотрудников.

Обязанность сохранения профессиональной тайны в отношении информации, полученной от пациентов во время оказания медицинской помощи, с целью уважения прав и защиты пациента – это одна из самых традиционных моральных концепций в здравоохранении. Несмотря на это, секретность по-прежнему остается одним из менее уважаемых принципов. Это подтверждается, например, тем, насколько распространены разговоры в коридорах и лифтах о болезнях пациен-

тов или то, как часто медицинские записи с именами пациентов и их диагнозами размещаются в общедоступных местах лечебного учреждения. Это особенно беспокоит, учитывая, что гарантия конфиденциальности, помимо стимулирования положительных отношений между пациентом и медицинским работником, иногда может способствовать даже согласию на лечение, поскольку в таком случае пациент уверен в том, что аспекты его личной жизни, которые могут вызвать осуждение, не будут раскрыты.

Объективная сторона состава преступления «Нарушение неприкосновенности частной жизни» представляет собой незаконное собирание или распространение информации о личной жизни человека без его согласия, которые составляют его частную, интимную или семейную тайну, либо распространение такой информации в средствах массовой информации, в ходе публичного выступления или в произведении, демонстрирующемся публично.

Незаконность выражается в том, что виновный без согласия человека, будучи не уполномоченным на то нормативными правовыми актами, собирает или распространяет сведения, относящиеся к личной жизни потерпевшего. Диспозиция рассматриваемой статьи содержит два действия (собираение или распространение), юридически тождественных друг другу, каждое при этом образует самостоятельный состав преступления.

Собираение сведений означает, что виновный тайно или открыто знакомится с документами, письмами и другими источниками информации о потерпевшем лице. К сбору сведений можно отнести и получение их от третьих лиц. Отметим, сведения, составляющие врачебную тайну, не могут быть собраны незаконно. Сведения, ставшие известными медицинскому работнику в ходе осуществления им своей профессиональной деятельности от пациента, всегда являются законными, потому что сообщаются ему

по воле пациента, исходя из доверительного отношения к лечащему врачу.

Состав рассматриваемого преступления – формальный. Думается, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 137 УК РФ, не следует трактовать как формальный. Собираение сведений о личной жизни человека без его согласия, если это не причинило существенного вреда его правам и законным интересам, не соответствует характерному для преступления уровню общественной опасности. Другое дело, если в диспозиции ст. 137 УК РФ указать способы, с помощью которых лицо будет осуществлять сбор сведений о частной жизни другого человека и с которыми связана повышенная общественная опасность содеянного, например, похищение документов, подкуп или же угрозы. Аналогичный подход известен уголовному законодательству. К примеру, в ст. 183 УК РФ (Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну) законодатель предусматривает ответственность за само деяние, выразившееся в собирании сведений, составляющих коммерческую, налоговую, или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом, независимо от наступивших последствий. Как видим, в этом случае степень общественной опасности преступления связана с такими способами, как похищение, угроза, подкуп и т. д.

Представляется, что «незаконное собирание сведений о частной жизни лица, без его согласия» само по себе еще не достигает той степени общественной опасности, чтобы привлекать лицо к уголовной ответственности. На наш взгляд, здесь может идти речь лишь об административном правонарушении. Следует отметить, что административное законодательство сегодня лишь частично решает этот вопрос. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. содержит нормы,

предусматривающие ответственность за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных) (ст. 13.11 КоАП РФ), за разглашение информации, доступ к которой ограничен Федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей (ст. 13.14 КоАП РФ), а также за нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов (ст. 13.20 КоАП РФ). Следует также отметить, что указанные нормы находятся в главе «Административные правонарушения в области связи и информации» и направлены, прежде всего, на общественные отношения в этой области.

Считаем, что для максимального обеспечения права человека на неприкосновенность его частной жизни следует включить в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях соответствующую норму, предусматривающую ответственность за незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни человека без его согласия, поместить ее в главу 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», сформулировав следующим образом:

«..Статья 5.26¹ Нарушение неприкосновенности частной жизни человека

Незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица без его согласия (за исключением случаев, когда сбор такой информации влечет за собой уголовную ответственность), наказывается...».

Таким образом, указанная норма будет охранять личные права и свободы граждан в административно-правовом порядке наряду с уже действующими нормами, предусмотренными ст. 5.26

КоАП РФ (Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях), ст. 5.39 КоАП РФ (Отказ в предоставлении гражданину информации) и др.

В случае же если незаконное соби́рание сведений о частной жизни лица без его согласия влечет за собой реальное причинение вреда правам и законным интересам потерпевшего, то содеянное перерастает в разряд преступления и должно квалифицироваться по ст. 137 УК РФ.

Часть 2 статьи 137 УК РФ определяет возникновение уголовной ответственности за совершение преступления специальным субъектом – лицом, с использованием его служебного положения. Применительно к медицинским работникам, привлечение к ответственности по части 2 возможно в тех случаях, когда виновный выполняет какие-либо управленческие функции в медицинской организации системы здравоохранения (например, заведующий или главный врач). Деяния указанных лиц могут быть квалифицированы по совокупности с другими статьями УК РФ «Злоупотребление полномочиями» (ст. 201 УК РФ), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285 УК РФ), «Превышение должностных полномочий» (ст. 286 УК РФ).

Отметим, что часть 2 статьи 137 УК РФ беспочвенно ограничивает круг возможных субъектов преступления. Рассматриваемый квалифицирующий признак следует изложить таким образом: те же деяния, совершенные лицом, которому сведения стали известны по службе, в связи с его профессией или выполняемой им работой.

С субъективной стороны данное преступление совершается умышленно, то есть медицинский работник осознает и желает нарушить обязанность хранить тайну. Субъектом данного состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совер-

шения преступления 16 лет. Совершение указанного преступления сотрудником медицинской организации повышает степень общественной опасности деяния ввиду того, что врач обладает большими возможностями для получения конфиденциальных сведений.

В настоящее время весь мир столкнулся с одной общей проблемой – пандемией коронавирусной инфекции «Covid-19». Все человечество испытывает стресс: люди страдают, болеют, медицинские работники испытывают колоссальные перегрузки, эмоционально «выгорают» в связи с текущими объемами работы и повышенными требованиями, вирус негативно сказывается на мировой экономике и торговле, страны оказались в изоляции. Вправе ли в таких сложных условиях медицинские работники и организации придать огласке информацию о наличии у пациента коронавирусной инфекции? Как следует из буквы закона, если согласие пациента отсутствует, сведения о наличии у него «Covid-19» могут быть предоставлены лишь в установленных законодательством случаях. К таким случаям в соответствии с частью 4 статьи 13 закона № 323-ФЗ относятся:

- 1) медицинское обследование (диагностика) и лечение пациента, который не в состоянии выразить свою волю;
- 2) опасность диссеминации инфекционных заболеваний;
- 3) наличие официального запроса правоохранительных органов, суда, прокуратуры в связи с проведением ими расследования, судебного разбирательства, прокурорского надзора;
- 4) извещение правоохранительных органов, в частности, о поступлении пациента, не способного по тем или иным причинам сообщить данные о себе, либо о смерти пациента, личность которого не установлена;
- 5) обмен информацией между медицинскими учреждениями, в том числе размещенной в медицинских информа-

ционных системах, в целях оказания медицинской помощи с учетом требований законодательства РФ о персональных данных;

б) осуществление учета и контроля в системе обязательного социального страхования.

В соответствии с частью 2 статьи 13 Закона № 323-ФЗ даже после смерти пациента, по общему правилу, доктору запрещается разглашать конфиденциальные сведения, составляющие медицинскую тайну. Те же требования к информации о наличии у пациента инфекции «Covid-19».

Исключением из этого правила являются супруги и другие близкие члены семьи (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и сестры, внуки, дедушки, бабушки), а также лица, указанные по требованию пациента в его добровольном согласии на медицинское вмешательство. Медицинские организации в случае смерти пациента передают вышеуказанным лицам медицинские документы умершего, а также сообщают информацию о наличии у пациента инфекции «Covid-19». Следует указать, что отказ в выдаче таких документов возможен в том случае, если пациент при жизни выразил запрет на разглашение медицинской тайны согласно пункту 3 постановления Конституционного Суда РФ №1-П от 13.01.2020.

В цивилизованном государстве должны существовать разумные пределы любого вмешательства в частную жизнь человека, в частности в случаях обращения лица за медицинской помощью. Международный кодекс медицинской этики, принятый Всемирной медицинской ассоциацией (WMA) в 1949 году, на международном уровне установил правило, согласно которому врач должен уважать право пациента на конфиденциальность. Медицинская тайна – право пациента и обязанность медработника, особенно когда речь идет о межличностных отношениях в сфере здравоохранения.

Гарантия конфиденциальности позволяет защитить человека от внешнего давления социальной среды. Человек вправе самостоятельно определять круг тех лиц, которым могут стать известны сведения о его диагнозе и состоянии здоровья. В целом частную жизнь следует рассматривать как одно из проявлений личной

свободы человека, как особую сферу его жизни, которая носит сугубо индивидуальный характер и регулируется в основном нормами морали и нравственности. Право лишь устанавливает пределы неприкосновенности частной жизни человека и, как следствие этого, пределы допустимого вмешательства в нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красиков А. Н. Преступления против личности: учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля. Саратов : Изд-во Саратовского университета. 1999. 232 с.
2. Баранов В. М. О законодательном определении категории «частная жизнь» (логико-гносеологические и юридико-психологические проблемы). Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сборник научных трудов. Часть I. / под ред. В. М. Баранова Н. Новгород, 1999. С. 31 – 39.
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2021).
4. Нуркаева Т. Н. Преступления против личности: проблемы квалификации и совершенствования законодательства : монография. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2015. 208 с.

© Диваева И. Р.

© Ермоленко Т. В.

УДК 343.72:796.09(470)

А. В. КУРСАЕВ, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. KURSAEV, Chief expert-specialist of the Treaty and Law Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКАЗАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR EXERTING ILLEGAL INFLUENCE ON THE RESULT OF AN OFFICIAL SPORTS COMPETITION

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы совершенствования уголовно-правовой защиты проведения спортивных мероприятий в Российской Федерации. Анализируются вопросы привлечения к уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования (статья 184 УК РФ). Уделено внимание социальной обусловленности криминализации данного деяния. Обращено внимание на законодательные изменения редакции указанной уголовно-правовой нормы. Автором анализируется содержание подкупа и его предмета для целей статьи 184 УК РФ. Рассматриваются проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности в случае оказания виновным лицом противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Формулируются предложения по дальнейшей оптимизации данного состава преступления.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное право, преступления в сфере экономической деятельности, спортивные соревнования, допинг, подкуп.

Annotation. The article deals with the issues of improving the criminal legal protection of sports events in the Russian Federation. It analyzes the issues of criminal prosecution for exerting illegal influence on the result of an official sports competition (Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation). Attention is paid to the social conditionality of criminalization of this act as well as to the legislative changes in the wording of the specified criminal law norm. The author analyzes the content of bribery and its subject for the purposes of Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problematic issues of criminal prosecution in the case that the guilty person exerts illegal influence on the result of an official sports competition are considered. Proposals for further optimization of this corpus delicti are formulated.

Keywords and phrases: criminal law, economic crimes, sports competitions, doping, bribery.

Одной из современных проблем уголовного права является вопрос о противоправном оказании влияния на результаты спортивных соревнований. Тенденции уголовно-правового регулирования в данной области развиваются по двум основным направлениям. Во-первых, это дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новыми

составами преступлений, связанными с потреблением незаконных медицинских препаратов и, как следствие, противодействием допингу. УК РФ был дополнен статьями 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и 230² «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) ме-

тодов, запрещенных для использования в спорте». Несмотря на многочисленные и достаточно справедливые нарекания к юридической конструкции данных преступлений, Т. Г. Понятовская все-таки приходит к выводу о том, что нарушенные этими преступлениями права и законные интересы субъектов уголовного права имеют конституционное основание, в силу которого они поставлены под уголовно-правовую охрану и выделены в системе объектов уголовно-правовой охраны. Данный автор отмечает, что «общественная опасность является существенным свойством этих преступлений по причине опасного характера самой деятельности либо опасных свойств ее предметов (либо в силу того и другого)» [1, с. 124]. Во-вторых, это совершенствование уже существующих в УК РФ составов преступлений. В частности, статьей 184 УК РФ установлена уголовная ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Общественная опасность данного преступления состоит в возможности незаконной наживы на результатах официальных спортивных соревнований, подрыве доверия к спортивной деятельности. Деяния такого рода распространены, в первую очередь, в игровых видах спорта, где это явление выражается в проведении так называемых «договорных матчей», участники которых заранее договариваются об определенном результате. В таких спортивных состязаниях заранее отсутствует спортивная борьба в силу predeterminedности результата.

Профессионализация и коммерциализация спортивных соревнований позволяет их участникам и организаторам рассчитывать на получение значительного дохода в случае выигрыша – как напрямую, посредством получения денежных премий и призов, так и косвенно – играя на букмекерских площадках и тотализаторах. Вполне логичным в связи с этим

выглядит желание искусственно «скорректировать» результат путем противоправного воздействия на спортсменов, судей, членов спортивных команд (медиков, тренеров), организаторов и жюри спортивных коммерческих конкурсов.

В этой связи подкуп участников и организаторов официального спортивного соревнования в литературе рассматривается как своеобразное проявление недобросовестной конкуренции [2, с. 480].

Данные официальной судебной статистики фиксируют незначительное количество дел, возбужденных по статье 184 УК РФ. Так, по сведениям ГИАЦ МВД России, в период с 1997 по 2005 гг. было возбуждено всего 7 уголовных дел (по одному в 1997, 2000, 2003, 2009 и 2017 гг. и 2 уголовных дела – в 2019 году). Было выявлено 6 человек, совершивших данные преступления (3 – в 2007 году, 2 – в 2008 году и 1 человек – в 2013 году). В связи с этим возникает проблема целесообразности наличия в УК РФ названного состава со столь низкой правоприменительной эффективностью.

Безусловно, уголовно-правовые средства воздействия на преступность оказывают на нее и профилактическое воздействие. Однако наличие в УК РФ большого количества «мертвых норм» излишне загромождает текст закона, усложняет его содержание и создает необоснованные коллизии между уголовно-правовыми нормами. Уголовно-правовой запрет не может конструироваться только ради единичного его применения. Редкое применение на практике статьи 184 УК РФ позволило некоторым специалистам [3, с. 69] сделать вывод о целесообразности декриминализации данного преступления.

Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что деяние, предусмотренное статьей 184 УК РФ, не является явно асоциальным по своей сути. Оно во многом наделяется критерием общественной опасности исходя из установленного законодательного запрета. Во

многим данное преступление признается общественно опасным для общественных отношений и их носителей (субъектов права) в силу нормативного установления в уголовном законе.

Однако экспертный анализ проблемы оказания противоправного влияния на спортивные соревнования позволяет сделать вывод о том, что подобные явления давно стали мировой проблемой. В частности, на совместной встрече представителей Генерального секретариата Интерпола, ФИФА и Российского футбольного союза было отмечено, что мировой оборот преступного бизнеса, связанного с организацией и проведением договорных футбольных матчей, достигает 30 млрд долларов, а 80 % всех ставок на спортивных тотализаторах делается именно на заранее predetermined результаты договорных футбольных матчей.

Международное спортивное агентство Sportradar относит чемпионат России по футболу к числу одного из самых высококоррумпированных. Данное агентство провело ранжирование европейских футбольных чемпионатов, по результатам которого в рейтинге по количеству футбольных матчей, которые имеют признаки договорных, Российская Федерация занимает шестое место в Европе после Албании, Италии, Молдавии, Эстонии и Греции. Специалисты этого агентства насчитали в России 42 договорные игры против 97 в Албании и 70 – в Италии.

Проведенное Международным профсоюзом футболистов (FIFPro) исследование показало, что 43,5 % опрошенных футболистов Российской футбольной Премьер-Лиги знают об имевших место в нашей стране договорных матчах.

Зачастую имеет место квалификация манипулирования результатами официальных спортивных мероприятий по иным статьям, а не по статье 184 УК РФ. Так, например, заместитель председателя федерации футбола Московской об-

ласти А. Евстигнеев за денежную сумму в размере 30 тыс. руб. обещал спонсору ФК «Олимп» города Фрязино ничейный результат по итогам игры в двух матчах, а за дополнительные 60 тыс. руб. – победу в двух других матчах. Действия А. Евстигнеева судом были квалифицированы как коммерческий подкуп и покушение на мошенничество.

Безусловно, низкая правоприменительная эффективность статьи 184 УК РФ обусловлена и сложностями выявления данного преступления. Данная проблема характерна для всех коррупционных преступлений.

В то же время описанные проблемы в выявлении деяний, охватываемых признаками состава преступления, предусмотренного статьей 184 УК РФ, не означают, что уголовно-правовая конструкция состава оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования не имеет изъянов. На некоторые из них уже обращалось внимание криминалистами.

Например, И. Н. Бокова, С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов [4, с. 12] и М. В. Спирев [5, с. 6] отмечали ошибочность позиции законодателя, отказавшегося от возможности назначения за данное преступление наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Данную критику во многом воспринял и законодатель, результатом чего стало изменение юридико-технической конструкции статьи 184 УК РФ. При этом такое изменение носило масштабный характер. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований» изменения были внесены не только в УК РФ, но и в Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Рос-

сийской Федерации» (далее – Закон № 329-ФЗ) в части установления механизма предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и борьбы с этим явлением. В этих целях Закон № 329-ФЗ был дополнен отдельной статьей 26², установившей понятие противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, комплекс мер по предотвращению противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, а также полномочия государственных органов по пресечению данного явления.

Следствием внесенных изменений явилось редакционное усложнение статьи 184 УК РФ, которая теперь состоит из 5 частей. Содержательный аспект внесенных изменений сводится к следующему:

1. В действующей редакции статьи 184 УК РФ предусмотрена ответственность не только за передачу денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав, либо за их получение, но и за посредничество. Напомним, что часть 1 статьи 26² Закона № 329-ФЗ противоправным влиянием на результат официального спортивного соревнования признает совершение в целях достижения заранее определенного результата или исхода этого соревнования:

– подкупа спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд, других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), принуждения или склонения указанных лиц к оказанию такого влияния или совершения этих действий по предварительному сговору с указанными лицами;

– получения названными выше лицами денег, ценных бумаг, иного имущества, пользования указанными лицами услугами имущественного характера, извлечения ими других выгод и преимущ-

еств или их предварительный сговор.

Законодатель в статье 184 УК РФ предусмотрел специальный состав и за посредничество в совершении подкупа участников и организаторов официального спортивного соревнования, что согласуется с общим его подходом к выделению посредничества в коррупционных преступлениях в качестве отдельного состава. По сравнению с иными подобными преступлениями, посредничество в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования редакционно оформлено в виде отдельной части статьи (части 5 статьи 184), а не путем конструирования отдельной нормы Особенной части УК РФ, как это сделано в отношении посредничества в коммерческом подкупе (статья 204¹) и посредничества во взяточничестве (статья 291¹).

2. Раскрыто содержание подкупа – к нему относится передача денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу).

3. Расширены пределы преступного поведения субъекта за счет не только принятия предмета подкупа (денег, ценных бумаг, иного имущества), но и путем пользования услугами имущественного характера.

4. Наказуемым по статье 184 УК РФ стал не только подкуп, но и принуждение или склонение в целях оказания влияния на официальное спортивное соревнование. Ответственность по статье 184 УК РФ теперь наступает и в случае высказывания угроз участнику спортивного соревнования в целях достижения нужного результата игры.

5. Существенно ужесточены санкции за рассматриваемое преступление, кото-

рое теперь и в основном составе предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Следствием этого явилось повышение тяжести рассматриваемого преступления – если ранее оно относилось к преступлениям небольшой (части 1, 3 и 4 статьи 184 УК РФ, то есть подкуп либо получение предмета подкупа, в том числе и в квалифицированном составе) либо средней тяжести (часть 2 статьи 184 УК РФ, то есть квалифицированный состав подкупа), то в настоящее время подкуп, принятие предмета подкупа либо посредничество (части 1, 3 и 5 статьи 184 УК РФ) являются преступлениями средней тяжести, а квалифицированные составы подкупа или принятия предмета подкупа (части 2 и 4 статьи 184 УК РФ) – тяжкими преступлениями.

6. Значительной корректировке подверглась область охраняемых общественных отношений. Ранее уголовным законом защищались участники и организаторы профессиональных спортивных соревнований. В результате внесенных изменений под охрану поставлены общественные отношения в сфере защиты участников и организаторов официальных соревнований.

Закон № 329-ФЗ в первоначальной редакции не содержал понятия профессионального спортивного соревнования. Вместо этого использовался термин «профессиональный спорт» – часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату.

Современная редакция Закона № 329-ФЗ при определении профессионального спорта дает отсылочную дефиницию (часть спорта, направленного на организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований), так как раскрывает термин «профессио-

нальные спортивные соревнования». К ним теперь относятся спортивные соревнования по командным игровым видам спорта, участие в которых направлено на получение дохода и одним из условий допуска спортсмена к которым является наличие у него, как правило, трудовых отношений с профессиональным спортивным клубом. В иных видах спорта профессиональными спортивными соревнованиями являются спортивные соревнования, участие в которых направлено на получение дохода и которые определены в качестве таковых их организаторами. Таким образом, профессиональным спортсменом является только тот, кто за свои выступления получает денежное вознаграждение, у кого имеется трудовое соглашение.

Официальными же спортивными мероприятиями являются такие спортивные мероприятия, которые включены в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных спортивных мероприятий, календарные планы спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Данные мероприятия могут проводиться как между профессионалами, так и между любителями.

Исходя из этого произошедшее изменение границ уголовной ответственности не является простым, «линейным» изменением пределов криминализации. Действие статьи 184 УК РФ расширилось за счет криминализации тех любительских соревнований, которые включены в соответствующий план спортивных соревнований. Если же подкуп имел место в отношении профессионального спортивного соревнования, не включенного в данный план, то ответственность по статье 184 УК РФ в этом случае исключается. Верным в связи с этим представляется замечание А. С. Иванова о том, что указание в законе только официального спортивного соревнования декриминализовало соответствующие

деяния, совершаемых на профессиональных спортивных соревнованиях, хотя изначально были криминализованы именно они [6, с. 192]. Фактически произошла коррекция объекта преступления, при котором цель наличия данного состава преступления состоит теперь в защите общественно полезной деятельности по обеспечению действительности результатов официальных спортивных соревнований, а не сопряженная с ними предпринимательская деятельность. Конкуренция же заключается не в соперничестве между хозяйствующими субъектами, а в соревновании участников спортивных состязаний на принципах справедливости в целях выявления между ними сильнейшего.

Законодатель учел, что неспортивное влияние на результат соревнования спортсменов губителен, в первую очередь, для интересов болельщиков, надеющихся на честный поединок. Поэтому защищаться должны их интересы путем исключения возможности любого противоправного влияния на спортсменов, участников спортивных команд и лиц, способных оказать влияние на результат состязания.

В то же время внесение названных изменений в статью 184 УК РФ породило новые правоприменительные проблемы.

В частности, исходя из диспозиции части 1 статьи 184 УК РФ наказуемым является: 1) подкуп спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника или организатора официального спортивного соревнования (в том числе их работника) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования; 2) принуждение или склонение названных лиц к оказанию этого влияния; 3) предварительный сговор с такими лицами в тех же целях.

Таким образом, исходя из буквального толкования данной нормы, следует, что принуждение или склонение названных в диспозиции части 1 статьи 184

УК РФ лиц направлено на то, чтобы они сами оказывали противоправное влияние на результат официального спортивного мероприятия, а не в целях принуждения или склонения названных лиц в целях получения нужного итогового результата спортивного состязания. Фактически законодатель ввел в конструкцию части 1 статьи 184 УК РФ институт посредственного исполнения, где виновный посредством принуждения или склонения оказывает влияние, к примеру, на тренера спортивной команды, чтобы он оказывал влияние на спортсмена.

Если же имеет место просто оказание влияния на тренера, не связанное с подкупом, то, по буквальному толкованию статьи 184 УК РФ, ответственность по данной норме исключается.

Полагаем, что в данном случае допущена юридико-техническая ошибка, и при описании цели преступления речь должна идти не о принуждении или склонении указанных в диспозиции части 1 статьи 184 УК РФ лиц к оказанию влияния на результат официального спортивного соревнования, а об их непосредственном принуждении или склонении в целях оказания такого противоправного влияния.

Кроме того, законодатель фактически приравнял в третьей форме объективной стороны рассматриваемого деяния наличие предварительного сговора как форму приготовления к окончательному преступлению и само окончательное преступление. Такое же уравнивание окончательного деяния и приготовления к нему имеет место и в части 3 статьи 184 УК РФ.

Части 1 и 3 статьи 184 УК РФ являются преступлениями средней тяжести, и приготовление к ним, в том числе путем предварительного сговора, с учетом общих положений УК РФ (часть 2 статьи 30) ненаказуемо.

Законодатель, выделив предварительный сговор в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования,

перенес пределы уголовной ответственности на более раннюю стадию. Нам такое решение представляется спорным. Во-первых, вызывает вопросы необходимость уравнивания общественной опасности и расположение в одной части статьи УК РФ нормы, предусматривающей ответственность и за приготовление, и за оконченное преступление. Во-вторых, могут возникнуть сложности в части доказывания данного состава, когда противоправного итога состязания еще нет.

Целесообразность такого законодательного решения может ставиться под сомнение и тем суждением, что для рассматриваемого состава преступления безразлично, произойдет ли в конечном итоге противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования. Уголовно-правовое значение здесь будет иметь только факт подкупа, принуждения или склонения. Такая «усеченность» состава в определенной степени нивелирует необходимость отдельной криминализации предварительного сговора.

Конечно же, в юридической литературе указанная вторичность результата официального спортивного соревнования по сравнению с целью иногда критикуется. Например, А. В. Анцыгин указывает, что «складывается парадоксальная ситуация, когда важен не сам результат оказания влияния, сколько цель... еще не овеществленная идея наступления негативных последствий, а факт подкупа без цели оказать влияние на результат спортивного поединка... не содержит признаков состава преступления, предусмотренного статьей 184 УК РФ». Данный автор ставит «вопрос, для чего необходимо устанавливать специальную цель, если в <...> итоге, ее результат не важен» [7, с. 183].

Данное суждение поддерживает и С. В. Кузьмин, который пишет о наличии нелогичной ситуации в том, что названные в статье 184 УК РФ лица подлежат уголовной ответственности за пригото-

вительные действия к оказанию влияния на результаты указанных в статье соревнований. При этом эти же лица не несут ответственности за сам факт искажения результатов соревнований. Названную проблему данный автор предлагает разрешить посредством дополнения уголовного закона новой нормой об ответственности за само «незаконное оказание влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований» [8, с. 154 – 155].

Однако в целом мы не видим проблемы в названной ситуации. Как справедливо отмечает Я. А. Ермакова, подобные подходы к квалификации характерны для всех преступлений, конструктивным признаком которых является достижение какой-либо цели. Достижение цели охватывается составом преступления и учитывается при назначении наказания [9, с. 172]. Момент окончания таких посягательств сдвинут на период времени, предшествующий достижению цели.

И действительно, виновный может подкупить вратаря футбольной команды в целях достижения ее проигрыша. Однако в результате активных действий других игроков желаемый результат мог и не наступить, команда все равно выигрывает матч. Необходимость привлечения к уголовной ответственности в этом случае и лица, подкупившего вратаря, и самого вратаря является очевидной и не требует дополнительного обоснования.

Кроме того, в части 1 статьи 184 УК РФ среди лиц, передача предмета коммерческого подкупа которым является преступлением, указан работник участника или организатора официального спортивного соревнования. В части же 3 статьи 184 УК РФ данное лицо, получившее материальное вознаграждение, по непонятным причинам к субъектам преступления не отнесено.

Более широкого взгляда на проблему перечня субъектов данного преступления придерживается К. Д. Николаев. Он считает, что круг субъектов преступлений

в частях 3 и 4 статьи 184 УК РФ необоснованно заужен. Данный автор отмечает, что получение предмета преступления в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования может осуществляться не только указанными в диспозиции названной нормы субъектами, но и другими лицами. Действующая редакция частей 3 и 4 статьи 184 УК РФ создает сложности для привлечения таких лиц к уголовной ответственности, так как они не входят в перечень специальных субъектов,

отраженных в диспозициях этих норм [10, с. 48].

Приведенные нами примеры свидетельствуют, что и действующая редакция статьи 184 УК РФ, несмотря на внесенные в нее изменения, не в полной мере позволяет обеспечить привлечение всех виновных лиц к ответственности. Имеются дальнейшие возможности для повышения ее эффективности, в том числе и путем законодательной оптимизации описания признаков данного состава преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рарог А. И., Понятовская Т. Г., Бимбинов А. А., Воронин В. Н. Фармацевтическое уголовное право России. М. : Проспект, 2019. 216 с.
2. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.
3. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
4. Бокова И. Н., Изосимов С. В., Кузнецов А. П. Проблемы назначения и исполнения наказаний по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юрист. 2000. № 2. С. 9 – 16.
5. Спирев М. В. Уголовно-правовые меры реализации уголовной ответственности и наказания в спорте // Спорт: экономика, право, управление. 2006. № 3. С. 5 – 9.
6. Иванов А. С. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса как преступление коррупционной направленности // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. № 2. С. 188 – 194.
7. Анцыгин А. В. Проблемы отграничения преступления, предусмотренного статьей 184 УК РФ, от смежных составов преступлений // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 181 – 185.
8. Кузьмин С. В. Уголовная ответственность за подкуп организаторов и участников профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Диссертация кандидата юридических наук. М.: РПА Минюста России, 2002. 185 с.
9. Ермакова Я. Ю. Субъективная сторона оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 166 – 173.
10. Николаев К. Д. Круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» необоснованно заужен // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева. Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 46 – 49.

© Курсаев А. В.

УДК 343.3/7.342.924.037(470)

И. С. МАКЕЕВА, доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Екатеринбург)

I. S. MAKEEVA, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Yekaterinburg)

А. А. ЖИЖИЛЕВА, адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

A. A. ZHIZHILEVA, Postgraduate of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОРМ И ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW: FEATURES OF THE DESIGN OF THE REGULATIONS AND THEIR APPLICATION

Аннотация. Институт административной преюдиции активно внедрился в деятельность правоприменителя. Теоретический аспект исследования ориентирован на качественный анализ категориального аппарата рассматриваемого института в тенденции изменчивости общественных отношений. Специфические требования к правилам юридической техники в конструктивном построении нормативных положений (юридических терминов, отдельных категорий) во многом исходят из лингвистических особенностей. Проанализировав имеющиеся законодательные конструкции преюдициальных составов, авторы приходят к выводу, что данный институт оправдывает «звание» эффективного средства уголовной политики только при условии качественного и непротиворечивого закрепления его в законодательстве. Авторами формулируется позиция о важности разработки единого подхода к конструированию модели составов преступлений с административной преюдицией, основанной на принципе согласованности между собой положений уголовного и административного законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: административная преюдиция, преюдициальная конструкция, субъект, «подвергнутое» и «привлеченное» лицо, «неоднократность», «сопряженность».

Annotation. The institution of administrative prejudice has been actively introduced into the activities of a law enforcement officer. The theoretical aspect of the study is focused on a qualitative analysis of the categorical apparatus of the institution under consideration in the tendency of the variability of social relations. Specific requirements for the rules of legal technology in the constructive building of regulations (legal terms, individual categories) are largely based on linguistic features. Having analyzed the existing legislative designs of prejudicial compositions, the authors conclude that this institution will justify the “title” of an effective means of criminal policy only if it is qualitatively and consistently enshrined in legislation. The authors formulate a position on the importance of developing a unified approach to designing a model of offences with administrative prejudice, based on the principle of consistency between the provisions of criminal and administrative laws.

Keywords and phrases: administrative prejudice, prejudicial structure, subject, “exposed” and “involved” person, “repetition”, “conjugation”.

Институт преюдиции на современном этапе развития законодательства приобретает все новые и прочные позиции с точки зрения совершенствования правовых норм. Вместе с тем главной проблемой понимания сущности преюдиции в доктрине уголовного права выступает разносторонний, многоаспектный взгляд ученых-теоретиков.

Стоит согласиться с мнением, что административную преюдицию необходимо рассматривать сквозь призму такого правового явления, как особое средство юридической техники. Ведь административная преюдиция по справедливому утверждению З. З. Мамхягова, С. А. Маркунцова, А. В. Карданец выступает связующим звеном между уголовным и административным правом.

Последние изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), наглядно отражают интенсивность внедрения уголовно-правовых запретов, конструктивно содержащих административную преюдицию.

Институт административной преюдиции признается комплексным, вследствие чего нами будут раскрыты специфические особенности отдельных элементов на примере конкретных составов преступлений, содержащих признаки преюдициональности.

Правоприменитель зачастую сталкивается с проблемой неопределенности в диспозиции составов преступлений, указанных в УК РФ, относительно формулировок «подвергнутый административному наказанию» (ст. 116¹, 158¹, 215³, 264¹ УК РФ), «неоднократность» (ст. 151¹, 154, 157, 171⁴, 180, 212¹, 215⁴, УК РФ), «привлеченный к административной ответственности» (ст. 282, 284¹, 314¹ УК РФ), вследствие чего, представляется необходимым проанализировать данные категории, поскольку они несут основную смысловую нагрузку диспозиции статьи.

Прежде чем приступить к рассмотрению составов преступлений с административно преюдициальными конструкциями, следует обратиться к анализу положения, отмеченного Конституционным Судом РФ, суть которого заключается в том, что на сегодняшний день возникает необходимость создания конструкций составов с административной преюдицией в связи с тем, что многократное (неоднократное) совершение субъектом однородных административных правонарушений трактуется как недостаточность работы механизма административно-правовых средств, которые введены законодателем в качестве противодействия преступным элементам.

Очевидность научной обоснованности использования административной преюдиции при конструировании норм уголовно-правового значения обосновывается влиянием различных факторов в конкретных ситуациях.

С точки зрения рассмотрения института административной преюдиции в уголовном праве на наличие социальной потребности в его применимости следует заметить общность и схожесть правовой природы преступления, административного правонарушения и уголовного проступка (в качестве новеллы уголовного права).

А. В. Карданец полагает, что под преюдицией в уголовном праве следует понимать прием юридической техники, который представляет собой правило доказывания факта о том, что вступившее в законную силу решение компетентного уполномоченного органа, принятое в установленном законом порядке, обязательно для всех иных правоприменительных органов, рассматривающих данный факт в процессе установления иных обстоятельств [1, с. 30].

Самая большая палитра мнений и взглядов понимания административ-

ной преюдиции сформулирована именно в рамках уголовного права. Так, В. П. Малков понимает под административной преюдицией в уголовном праве применение к лицу меры уголовного характера с учетом того, что ранее к последнему были применены меры административной, дисциплинарной, общественной преюдиции [2, с. 196].

Н. Ф. Кузнецова и еще ряд ученых рассматривали административную преюдицию через дефиницию повторности деяний.

Наиболее полное и убедительное определение дано И. О. Грунтовым, в котором он понимает под административной преюдицией – специально закрепленную конструкцию состава преступления с преюдициальной связью между несколькими аналогичными административными правонарушениями, которые были совершены в определенный временной период после привлечения лица к административной ответственности [3, с. 7].

Административную преюдицию следует рассматривать именно как средство стабилизации сложившихся отношений, с точки зрения разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений, а также как особое средство юридической техники, направленное на установление усложненных фактических моментов.

Несомненно, сам процесс разграничения преступлений от административных правонарушений связан именно с вопросами законодательной техники, нежели теоретического осмысления уголовного права.

Следует отметить, что основная проблема в рамках заявленной темы исходит из анализа таких положений, как «привлечение лица к административной ответственности посредством назначения последнему административного наказания», а также «лицо, подвергнутое административному наказанию». Тождественны ли приведенные категории меж-

ду собой, или же каждая из них несет различную смысловую нагрузку? Определиться с теоретическим осмыслением приведенных категорий, а также прийти к верному выводу представляется возможным только посредством проведения детального анализа данных положений – по времени, правовым последствиям, субъектам, правомочным выносить решение в рамках конкретной рассматриваемой категории и т. д.

Можно ли трактовать в схожей смысловой нагрузке такие категории, как «подвергнутое» и «привлеченное» к административному наказанию?

Категорию «привлечение» лица к административной ответственности следует рассматривать в определенных временных рамках. Лицо считается привлеченным к административной ответственности не с момента «оглашения» постановления о привлечении лица к административной ответственности и назначении наказания, а лишь с момента вступления данного постановления в законную силу. В данной категории отсутствует как таковой заключительный «этап» стадии «привлечения», т. е. он заканчивается с момента истечения 10 суток, данных лицу на обжалование вынесенного постановления о привлечении к административной ответственности и назначении наказания. Следующая совершенно иная стадия – «подвергнутость» лица административному наказанию – выражается уже с момента начала исполнения постановления о привлечении к административной ответственности и назначении наказания. Законодатель подтверждает вышесказанное, сформулировав в ст. 31.9 КоАП РФ положение о том, что «течение срока давности прерывается в случае, если лицо, привлеченное к административной ответственности, уклоняется от исполнения постановления о назначении административного наказания», т. е. этап «привлечения» лица заканчивается с момента начала исполнения административного

наказания. Так, например, декриминализация состава, предусмотренного ст. 282 УК РФ, впоследствии исключила возможность привлечения лица к уголовной ответственности за однократный факт совершения правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, а также в случаях, когда реализованная противоправная деятельность не представляет серьезной общественной опасности для личности и государства и не нарушает основы конституционного строя.

Считаем, что формулировка «лицо, привлеченное к административной ответственности за аналогичное деяние» вызывает вопрос о наличии пределов этого срока, что может привести к ошибке правоприменителя. Не совсем понятно, каким образом необходимо определять момент его окончания: аналогично норме административного законодательства, после исполнения административного наказания в течение года, или же по истечении одного года со дня вступления постановления по делу об административном правонарушении в силу. Представляется необходимым и важным для правоприменителя установление в рамках института административной преюдиции единого срока, основанного на положениях именно административного законодательства [4, с. 99].

Напомним, что в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ «лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления».

С учетом вышеизложенного, авторская позиция относительно рассмотренных категорий сводится к их разносмысловой нагрузке, что подтверждается нормами действующего законодательства. Принципиально главным отличием преступлений с админи-

стративно-преюдициальным условием является субъект. Возникает вопрос, может ли информация, касающаяся качественной характеристики признаков личности виновного лица, быть положена в основание дифференцированности уголовной ответственности?

Н. А. Лопашенко считает, что конструкции рассматриваемых преюдициальных составов впоследствии сведутся к объективному вменению, вследствие того, что составы с административной преюдицией состоят из нескольких самостоятельных, исполненных административных правонарушений, возможно, не связанных между собой единым умыслом [5, с. 68 – 69, 71].

Законодательная конструкция преюдициальных составов не требует наличия обязательного заранее возникшего преступного умысла на совершение тождественных административных правонарушений, ввиду чего и появляется совершенно иной субъект преступления с административно-преюдициальным условием.

Общественная опасность заключается том, что для субъекта преступления не оказалось достаточным применение к нему административной превенции, вследствие чего, субъектом было совершено повторное правонарушение, т. е. в данной ситуации стоит говорить об устойчивости антиобщественного поведения.

В части конкретизации рассмотренных категорий «привлеченности» и «подвергнутости» лица к административному наказанию не менее интересным аспектом, подлежащим вниманию со стороны правоприменителей, является срок исчисления административного задержания в случае совершения преступления с административной преюдицией. В соответствии со ст. 27.3 КоАП РФ «административное задержание» представлено как кратковременное ограничение свободы физического лица с целью обеспечения правильного

и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления об административном правонарушении, к тому же срок административного задержания не должен превышать 3-х часов с момента доставления лица в правоохранительные органы, либо с момента вытрезвления лица в случаях нахождения его в состоянии алкогольного опьянения. Однако также возникает неясность в понимании «фактического доставления лица», «момент вытрезвления» – какими критериями должен руководствоваться правоприменитель? До сих пор нет единого мнения относительно данных категорий, в связи с чем зачастую возникает множество противоречащих друг другу ситуаций.

Предположим собственную позицию относительно ранее рассмотренных категорий «лицо, подвергнутое административному наказанию», «лицо, привлеченное к административной ответственности» в контексте с «административным задержанием». Так, административное задержание как кратковременное ограничение свободы физического лица с целью исполнения постановления об административном правонарушении все же является более приближенной категорией к «привлеченности» лица к административному наказанию ввиду того, что ст. 27.3 КоАП РФ отражает в диспозиции нормы положение «с целью исполнения постановления об административном правонарушении», т. е. своего рода «условие», позволяющее на законных основаниях переходить из одной стадии в другую посредством законного ограничения прав и свобод лица. Примерами реализации принципа законности

выступают апелляционное определение Челябинского областного суда от 2 июля 2018 года № 10-3149/2018¹, определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1203-О-О, в которых отражаются положения о том, что «срок административного задержания подлежит зачету в срок содержания под стражей подозреваемого лица по уголовному делу, ввиду того, что производство по делу об административном правонарушении трансформируется в уголовное судопроизводство»².

Исследуя проблематику неопределенности трактовки «неоднократность» в диспозициях норм уголовного законодательства, следует раскрыть данную категорию с точки зрения теоретико-практического обоснования.

Под «неоднократностью» следует рассматривать повторное совершение аналогичного деяния в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ), т. е. два и более раза совершение противоправного деяния в течение года с момента вынесения постановления о назначении административного наказания.

Вместе с тем специфичность «неоднократности» раскрывается в примечании к ст. 212.1 УК РФ, в котором указывается временной интервал в 180 дней, а не в течение года. Возникает вопрос, почему законодатель устанавливает для отдельного состава «особый» срок административной «исключительной» превенции? С какого момента необходимо исчислять данный срок в сто семьдесят дней? Логично заметить, что установление единых требований к применению института административной

1 Апелляционное определение Челябинского областного суда от 2 июля 2018 года № 10-3149/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лисового Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 10, статей 91, 92, 94 и 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1203-О-О. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 02.02.2021).

преюдиции будет способствовать качественному одноаспектному применению административной преюдиции в уголовном праве.

Часть 2 ст. 314.1 УК РФ предусматривает неоднозначность трактовки «неоднократности несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений», вследствие чего и возникают своего рода сложности в правоприменении.

Сама по себе сущность объективной стороны рассматриваемого состава преступления не обладает признаками совокупности административных правонарушений, а представлена как противоправное деяние, содержащее признаки неоднократности и сопряженности. Сопряженность, касающаяся совершенного административного правонарушения, должна быть установлена в тесном контакте с фактом, который образует неоднократность. Кроме того, данный факт должен быть подтвержден соответствующим протоколом об административном правонарушении. Признак неоднократности в данном составе рассматривается в «одногодичный» временной период с момента вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания.

Большую сложность в данном составе вызывает признак «сопряженности» в контексте с «неоднократностью», так как факт совершения преступления во всех рассматриваемых случаях, предусмо-

тренных УК РФ, должен быть сопряжен с умышленным совершением поднадзорным лицом правонарушения, предусмотренного ст. 20.1, ст. 20.21 КоАП РФ, в противном случае состав преступления отсутствует.

Таким образом, рассмотренные нами положения «привлечение лица к административной ответственности посредством назначения административного наказания», «лицо, подвергнутое административному наказанию», а также «неоднократность» совершения противоправных деяний как в теории, так и в правоприменительной деятельности не следует считать идентичными. На сегодняшний день в уголовном законодательстве не сформулировано понятие административной преюдиции, что влечет расширительное толкование данного положения, так как прослеживается тенденция внедрения данной категории в контексты иных составов преступлений.

Административная преюдиция призвана стать эффективным средством уголовной политики именно при условии качественного и непротиворечивого закрепления ее в законодательстве. Важно выработать единый подход к конструированию единой модели составов преступлений с административной преюдицией, основанной на принципе согласования между собой положений уголовного и административного законодательства, а также конституционных норм и международных принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карданец А. В. Преюдиции в уголовном праве. Пробелы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 181 с.
2. Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 195 – 198.
3. Грунтов И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. 156 с.
4. Макеева И. С., Болотова И. А. Проблемы законодательного конструирования и применения составов преступлений с административной преюдицией // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 96 – 102.

5. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64 – 71.

© Макеева И. С.

© Жижилева А. А.

УДК 316.723-053.6(470)

З. Р. МАНСУРОВА, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук (г. Уфа)

Z. R. MANSUROVA, Senior instructor of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Activity of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of medical sciences (Ufa)

СУБКУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

SUBCULTURES IN THE YOUTH ENVIRONMENT

***Аннотация.** Желание молодых людей противопоставить себя существующему культурному укладу обусловлено возрастными особенностями. Молодежная субкультура как элемент обособленный, вступает в противоречия с официальной, господствующей в обществе культурой, что зачастую приводит к неблагоприятным и даже вредным последствиям. Представители молодежи предпочитают интеграцию в неформальные объединения, и сегодня необходима разработка эффективной профилактики появления и распространения ценностей криминальной субкультуры. В статье рассматриваются отдельные вопросы формирования и тенденции развития различных течений молодежной субкультуры, связанных с отождествлением молодыми людьми своей индивидуальности или принадлежности к определенной группе, интеграцией в неформальные объединения, а также различными проявлениями аутодеструкции. Автором раскрываются понятия: «субкультура», «семиотика», «феномен молодежной субкультуры», «феномен маргинальности», «криминальная субкультура в молодежной среде».*

***Ключевые слова и словосочетания:** молодежная субкультура, мифосемиотика, татуировка, феномен маргинальности.*

***Annotation.** The desire of young people to oppose themselves to the existing cultural structure is due to age characteristics. The youth subculture, as an isolated element, comes into conflict with the official culture prevailing in society, which often leads to unfavorable and even harmful consequences. Representatives of young people prefer integration into informal associations, and today it is necessary to develop effective prevention of the emergence and spread of the values of the criminal subculture. The article examines certain issues of the formation and development trends of various trends in the youth subculture associated with the identification of young people with their individuality or belonging to a particular group, integration into informal associations, as well as various manifestations of self-*

destruction. The author reveals the concepts: «subculture», «semiotics», «the phenomenon of youth subculture», «the phenomenon of marginality», «criminal subculture in the youth environment». Key words: youth subculture, mythosemiotics, tattoo, the phenomenon of marginality.

Keywords and phrases: youth subculture, mythosemiotics, tattoo, the phenomenon of marginality.

В переводе с греческого языка *семиотика* трактуется как наука о знаках и знаковых системах. Все окружающие поступки, события и явления подпадают под предмет осмысления человеческого разума. Иными словами, весь процесс человеческой жизнедеятельности неразрывно связан с непрерывным актом создания, передачи и трансформации смыслов и текстов. Фундаментальным элементом науки семиотики является понятие «*смысл*» [1, с. 29]. Объединение людей в определенные общности непосредственно обусловлено смыслом. Молодые люди видят единомышленников, своих наставников или последователей, с которыми их связывают не только общие интересы, но также и взгляды на окружающую действительность.

Свое отношение к молодому поколению своего времени древнегреческий философ Сократ, живший в V веке до нашей эры, выражал следующим образом: «Нынешняя молодежь привыкла к роскоши, она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших, дети спорят с взрослыми, жадно глотают пищу, изводят учителей» [2, с. 10].

Высказывание Сократа свидетельствует о том, что обособленность представителей нового поколения от господствующих в обществе норм и устоев, противоречивость в отношении к молодежи являли собой почву для размышлений и споров ученых, философов и общественных деятелей еще со времен поздней античности.

К вопросам о формировании и тенденциях развития различных течений молодежной субкультуры обращаются представители различных научных направлений.

Субкультуры – это динамичные социальные образования, которые включают в себя людей различного возраста.

По той или иной причине многие зрелые люди остаются адептами субкультуры, при этом успешно социализируясь в рамках официальной культуры. Возможно, эта особенность связана с общей инфантилизацией общества: «Переходный возраст уже не имеет никаких границ (он «плывет» от 13 лет – получения неоконченного среднего образования – через 16-летие – окончание школы, 18-летие – призыв в армию, 21–23-летие – окончание вуза, вплоть до 24–28-летия – окончание аспирантуры или ординатуры) [3, с. 283]. В связи с этим, необходимо отметить, что ошибочно представлять исключительно маргинальный характер адептов той или иной субкультуры. В настоящее время возрастные и временные границы не влияют на семиотический процесс поиска себя и смысла в рамках деятельности конкретной субкультуры. По вполне объективным социальным причинам послереволюционного общества смысл жизни является не данностью, а задачей для молодых людей. До эпохи революций смысл жизни был «нормирован» и «задавался» культурой, но после того как многие культурные институты были отменены или преобразованы, поиск смысла жизни превратился в индивидуальную задачу [4, с. 102]. Сложившаяся тенденция способствует тому, что в настоящее время все большую популярность набирают представители молодежных субкультур. В условиях глобализации культурные границы отдельных стран стираются, взамен им общемировым значением начинают пользоваться молодежные течения различных субкультур, находя своих адептов в самых разных уголках земного шара.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались поворотом к теоретическому осмыслению феномена молодежной субкультуры. Особый интерес в этом кон-

тексте приобретает исследование языка молодежи, который чаще всего определяется как молодежный жаргон. Абсолютное большинство слов в молодежном жаргоне выражают эмоции молодых людей, их оценку предметов и явлений действительности. Данная особенность речи объяснима чувственным восприятием мира молодыми людьми. Иронически вспоминается героиня романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, имеющая небольшой словарный запас, характеризующий, в основном, ее эмоциональное состояние.

Феномен маргинальности уже семиотичен, так как определяет пространственное положение субкультуры в контексте общества, что выражается в традиционных для культуры оппозициях: своё–чужое, хаос–порядок, жизнь–смерть и т. д. Традиционно адепты той или иной субкультуры бросают вызов существующей в обществе культуре. Для отделения себя от основной массы необходима система правил, ритуалов, символов, определяющих идентичность конкретной субкультуры. Наиболее ярким примером указанной особенности может служить тюремная субкультура.

Научный интерес представляет символика, посредством которой осужденные маркируют своё пространство повседневности. Тюремная субкультура является одной из самых протяженных в истории маргинальных структур [5]. Одним из основных и наиболее известных олицетворений символики в тюремной субкультуре является нанесение татуировок. Многие сходные особенности можно проследить между тюремной и молодежной субкультурой. Так, молодые люди, отождествляя свою индивидуальность или принадлежность к определенной группе, наносят на свое тело соответствующие татуировки.

В последние годы элементы германской мифологии (в частности руны и оккультные символы) стали вновь популярны среди молодых людей. Нередки

случаи нанесения на тело татуировок, изображающих руны и элементы нацистской символики. Радикально настроенные группы используют германскую мифологию с целью продвижения своей идеологии.

В конце 2015 г. Александр Шиколай и его музыкальная группа *Slaughter to Prevail* были обвинены в национализме. Причиной является татуировка, нанесенная на локоть музыканта и представляющая собой так называемое «Черное солнце», оккультный символ [6].

Исследователем Ириной Симоновой был обнаружен тенденция в поведении молодых людей, выражающаяся в стремлении принадлежать не к одной, а к множеству разнообразных групп. В результате их стратегией становится быстрое перемещение между ними без глубокого вовлечения в какую-то конкретную субкультуру. Такой тип поведения порождает конфликты, поскольку связывается окружающими с «поверхностностью» и «фальшью»; тем не менее его распространенность требует пересмотра самого понятия «субкультура»: отношения с субкультурной группой далеко не всегда оказывают существенное влияние на ценности и образ жизни человека, могут быть недолгосрочными и даже ситуативными [7].

Субкультура как элемент обособленный идет в противоречии с официальной господствующей в обществе культурой, зачастую приводит к неблагоприятным последствиям. На сегодняшний день одной из них следует назвать все возрастающее воздействие молодежного движения АУЕ (арестантский уклад един). Так, АУЕ представляет собой сформированную молодежную (и частично постмолодежную) субкультуру, особенно популярную в среде старших школьников и учащихся колледжей. Молодежную субкультуру можно интерпретировать как культуру молодых людей, направленную на их интеграцию в неформальное объединение, с собственными

ми правилами и системой идентичности; частичную культурную систему внутри базовой культуры общества, определяющую стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. Таким образом, по своей сути самая массовая часть АУЕ – это молодежная постмодернистская криминальная субкультура, ориентирующаяся на «понятия воровской жизни». В значительной мере ее популяризацию среди молодежи можно связать с общим кризисом культуры постмодерна, проявляющимся в отсутствии достойных образцов для подражания [8].

На основании вышеизложенного считаем, что молодым людям, находящимся в поисках смысла жизни, в поисках самого себя, необходимо принимать участие во многих сферах общественной жизни. Желание молодых людей противопоставить себя существующему культурному укладу обосновано возрастными особенностями. Представителям молодежи движет желание изменить существующий уклад [9]. Основная проблема заключается в том, что не всегда эти культурные «субкультурные» изменения являются положительными и приводят к развитию общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золян С. Т. К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 4. С. 27 – 42.
2. Караваева С. В. Сократ в философских школах поздней античности // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. № 3 – 2. С. 5 – 13.
3. Радченко Д. А., Байдуж М. И. Субкультура, движение или сцена: конференции по исследованиям культурных групп // Шаги/Steps. 2018. № 3–4. С. 283 – 288.
4. Лукьянов О. В., Частокоренко Я. Б., Котикова К. О. Аутентификация свободы в творческих молодежных субкультурах // СПЖ. 2016. № 61. С. 91 – 107.
5. Лапшин В. Е., Галич Т. В. Влияние тюремной субкультуры на личность осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3. С. 49 – 53.
6. Скандинавия. Мифология. Викинг. Руны. URL: https://vk.com/topic10650687_28934460 (дата обращения: 10.02.2021).
7. Тульчинский Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 4. С. 15 – 26.
8. Чирун С. Н. Молодежное «Ауе» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг. 2019. № 1 (149). С. 49 – 64.
9. Мансурова З. Р., Сулейманова Г. Я. // Девиантное поведение: сущность, формы и виды проявлений // Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 164 – 167.

© Мансурова З. Р.

УДК 343.123:[343.36:343.843](470)

Э. Д. НУГАЕВА, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. D. NUGAEVA, Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

Л. Н. ЕРМОЛАЕВА, преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

L. N. ERMOLAEVA, Instructor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ Ч. 1 СТ. 314.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOME PROBLEMATIC ASPECTS THAT ARISE AT THE STAGE OF INITIATION AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES FOR CRIMES UNDER PART 1 OF ARTICLE 314.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, возникающие на этапе возбуждения и расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Поставлены вопросы с определением фактического наличия места жительства (пребывания), в связи с чем акцентировано внимание на сопровождении поднадзорного до такого места. Предложен алгоритм взаимодействия таких структур исполнительной власти, как ФСИН России и МВД России на этапе вынесения ходатайства об установлении административного надзора, а также предоставление указанной категории лиц адреса специального приемника, как альтернативного места жительства в отсутствие реальной возможности проживать по заявленному им адресу. Отдельное внимание уделено субъективной стороне, в которой обязательным признаком выступает цель уклонения. Выработаны рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере.*

***Ключевые слова и словосочетания:** административный надзор, цель уклонения, уважительные причины, установленные судом ограничения.*

***Annotation.** The article deals with the problems that arise at the stage of initiation and investigation of criminal cases for crimes under Part 1 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Questions are raised regarding the determination of the actual presence of the place of residence (stay), in connection with which attention is focused on escorting the supervised person to such a place. The algorithm for interaction of such structures of executive power as the Federal Penitentiary Service of*

the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the stage of making a request for the establishment of administrative supervision, as well as the provision of this category of persons, the address of a special receiver, as an alternative place of residence in the absence of a real opportunity to live at the address declared by them, is proposed. Special attention is paid to the subjective side, in which the goal of evasion is a mandatory feature. Recommendations for improving the legislation in this area have been developed.

Keywords and phrases: *administrative supervision, purpose of evasion, valid reasons, restrictions established by the court.*

Введение в Российской Федерации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также замены неотбытой части наказания более мягким наказанием, обусловило сокращение числа осужденных, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. На фоне снижения общей численности осужденных данной категории повысилась концентрация лиц, представляющих повышенную общественную опасность, имеющих преступный опыт. Уменьшение количества осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, решило ряд экономических задач, но усложнило процесс предотвращения совершения преступлений вышеуказанными категориями лиц. В борьбе и профилактике совершения преступлений исследуемой группы лиц ведущее место занимает институт административного надзора. В целях реализации принципа неотвратимости наказания необходимо своевременно собрать и задокументировать неопровержимые доказательства, подтверждающие волеизъявление лица уклониться от предписанных ограничений.

При принятии решения о привлечении лица по ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), необходимо установить преступную цель, которая должна быть выражена в прямом волеизъявлении, направленном на уклонение от контроля государственных органов, не исполнять поднадзорным лицом установленных ограничений. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2016 №21 «О судебной практике по делам о пре-

ступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ» «виновность по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ за неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенный срок, либо за самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства или пребывания наступает только в том случае, когда эти деяния совершены лицом в целях уклонения от административного надзора. Определить наличие такой цели становится возможным при установлении фактических обстоятельств, свидетельствующих в каждом конкретном случае о намерении соответствующего лица препятствовать реализации контроля либо избежать его со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом административных ограничений, указанных в ч. 1 ст. 4 ФЗ № 64-ФЗ, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей, перечисленных в ч. 1 ст. 11 данного Федерального закона» [2, с. 2].

Серьезной проблемой при практическом применении норм преследования за неприбытие к избранному месту жительства (пребывания) лица, в отношении которого установлен административный надзор по ходатайству начальника исправительного учреждения, в котором содержалось лицо, является сообщение поднадзорным адреса его места жительства (пребывания), т. е. фактического нахождения. Зачастую названные адреса места жительства существуют только юридически, а фактически не пригодны для проживания в связи с отсутствием

элементарных жилищно-бытовых условий, таких как теплоснабжение и электричество, а иногда и самого жилого строения в виду пожара и (или) других объективных причин. Наличие перечисленных факторов лишает лицо реальной возможности исполнить установленные в отношении него ограничения. Для решения данной проблемы возникает необходимость тесного взаимодействия сотрудников системы Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации (далее – ФСИН России) и Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) не только после установления административного надзора, но и на этапе внесения ходатайства о его установлении с целью проверки бытовых условий адреса места жительства (пребывания), заявленного лицом, и только исходя из полученной информации определять место жительства (пребывания) лиц указанной категории.

Существует и другая проблема. Согласно ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» лица данной категории должны встать на учет в органах внутренних дел по месту своего проживания, пребывания. На законодательном уровне алгоритм действия при фактическом отсутствии заявленного ими места проживания не закреплен. При освобождении и вручении предписания о направлении по месту жительства, а также постановке на учет разъяснительная беседа о решении возможных нестандартных ситуациях соответствующими органами не ведется.

Решением могло бы выступить внесение в предписание выдаваемому поднадзорному адреса специального приемника, в который он может обратиться в отсутствие реальной возможности проживать по заявленному им адресу.

Также возникает необходимость внесения изменений в ч. 1 ст. 11 Федераль-

ного закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», дополнив фразой «В отсутствие реальной возможности проживать по заявленному месту проживания (пребывания) явиться по указанному в предписании адресу специального приемника для фиксации временной регистрации по месту жительства».

Е. Н. Бархатовой верно отмечается: «Отсутствие места жительства или пребывания не освобождает лицо от обязанности явиться в соответствующий орган внутренних дел для постановки под надзор, но в данном случае возникает проблема иного характера: все дальнейшие действия по осуществлению административного надзора уполномоченное должностное лицо органа внутренних дел в соответствии с приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» проводит, исходя из определенного места жительства или места пребывания»[3, с. 73].

Отсутствие возможности у лица проживать в указанном им месте девальвирует смысл института реализации административного надзора ввиду отсутствия контроля за исполнением ограничений, установленных судом в отношении указанной категории лиц.

Как показывает практика, при принятии решения о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ возникают определенные трудности в определении наличия или отсутствия рассматриваемого состава преступления, подтверждающих фактов неприбытия к избранному месту жительства (пребывания), фактического нахождения, а также самовольного его оставления поднадзорным лицом.

В данной связи отметим, что необходимость отбора подробного объяснения о причинах неприбытия к избранному месту жительства или его самовольного оставления поднадзорным лицом явля-

ется первоочередной задачей, решение которой позволит установить признак вины такого лица.

Для определения в действиях поднадзорных состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, в материалах доследственной проверки должны найти отображение конкретные обстоятельства, послужившие причиной неисполнения установленных ограничений: сведения из органов записи гражданского состояния о смене установочных данных, смерти; Министерства здравоохранения об обращении за медицинской помощью разыскиваемых лиц; при наличии – объяснения родственников, лиц, проживающих совместно, что те не знают, где работает и проживает поднадзорный в настоящее время; сведения по проверке лица по базе «Розыск – магистраль»¹.

Так, в ОМВД России по Уфимскому району поступил рапорт начальника филиала Федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Башкортостан» (далее – ФКУ УИИ УФСИН России по РБ) о том, что по приговору Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 25.04.2018 гр. З., 1973 г. р., признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, и осужден к лишению свободы сроком на 1 год с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года. Гр. З. 14.09.2018 освобожден из исправительной колонии № 2 г. Салавата Республики Башкортостан. При освобождении ему было вручено предписание № 21 от 14.09.2018, с разъяснением о явке в ФКУ УИИ по Уфимскому району не позднее 19.09.2018. В разъяснении гр. З. предупрежден об ответственности за неявку в уголовно-ис-

полнительную инспекцию в установленный срок или уклонение от отбывания наказания.

Достоверно зная о приговоре Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 25.04.2018 и назначенных ему мерах наказания в виде ограничения свободы сроком на 2 года, гр. З., уведомленный об уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ, согласно предписанию № 21 от 14.09.2018, не желая соблюдать установленные ему судом ограничения, имея злостный умысел скрываться от органа, осуществляющего надзор, в Уфимский межмуниципальный филиал ФКУ УИИ УФСИН России по РБ не прибыл, на учет не встал. Гр. З. был проверен по месту прибытия после освобождения. В ходе выезда установлено, по данному адресу располагается организация ООО, где ранее гр. З. осуществлял свою трудовую деятельность. Жилого дома с таким адресом не существует. Сведения о возможных адресах проживания осужденного отсутствовали. В рамках розыскных мероприятий по установлению места нахождения гр. З. сотрудниками Уфимского межмуниципального филиала ФКУ УИИ УФСИН России по РБ произведен мониторинг открытых источников информации, произведена проверка баз данных автоматизированной информационной системы Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, специальных приемников, направлены ориентировки в территориальные органы МВД России. Комплекс выполненных мероприятий результата не дал, место нахождения гр. З. установлено не было. После объявления гр. З. в федеральный розыск был задержан сотрудниками ПУ ФСБ России по Оренбургской области при прохождении пограничного контроля с целью пересечь границу Российской Федерации. Материал проверки сотрудниками Уфимского межмуниципально-

¹ База «Магистраль» содержит сведения о всех поездках человека междугородними рейсовыми видами транспорта, где предполагается покупки билета по паспорту, или иному документу, удостоверяющего личность. URL: <https://detective-berkut.com/catalog/baza-dannyh-magistral> (дата обращения: 19.02.2021).

го филиала ФКУ УИИ УФСИН России по РБ был передан в ОМВД России по Уфимскому району для принятия решения в порядке ст. ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По окончании расследования уголовное дело по обвинению гр. З. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 314.1 УК РФ, направлено в суд.

Выполнение полного перечня вышеуказанных мероприятий позволило достигнуть цели уголовного преследования, а именно осуществить уголовное преследование лица, совершившего преступление.

В рамках расследования уголовного дела возникают проблемы и по доказыванию объективной стороны преступления.

Обязательным условием, квалифицирующим деяние, как в форме неприбытия, так и самовольного оставления, выступает поведенческий акт – уклонение от административного надзора. О наличии данной цели свидетельствует факт отсутствия уважительной причины неприбытия к месту жительства или личных исключительных обстоятельств смены места жительства, а также краткосрочного выезда за его пределы, совершенные без уведомления органа внутренних дел о своих перемещениях.

Практика показывает, что поднадзорные лица, как правило, избирают местом своего жительства жилье, в котором проживают их родители, братья, сестры или сожители. Зачастую непроживание лица по избранному им месту жительства связано с нежеланием родственников проживать с поднадзорным лицом совместно или же с возникновением между ними конфликта. Поэтому при допросе лиц, проживающих с поднадзорным лицом совместно, в обязательном порядке необходимо выяснить причину, по которой поднадзорное лицо отказалось проживать по заявленному им месту жительства. Вместе с тем сам по себе конфликт с лицами, проживающими с поднадзорным лицом, не является уважительной причиной для

самовольной смены места жительства. В этой связи для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, кроме наличия конфликта в быту, необходимо установить: с какого времени поднадзорный не проживает по данному адресу, говорил ли он об установлении в отношении него надзора, когда и при каких обстоятельствах поднадзорное лицо покинуло место своего жительства, каковы, по мнению допрашиваемого, обстоятельства, способствовавшие уклонению подозреваемого от административного надзора.

В 2020 г. в отдел дознания ОМВД России по Уфимскому району был передан материалов доследственной проверки КУСП № 0000 от 2020 г. в котором отсутствовало объяснение поднадзорного лица, самовольно оставившего место жительства, однако имелось объяснение его отца: «...В апреле 2019 г. гр. А. вновь вернулся к нему и сообщил, что состоит на профилактических учетах в полиции Уфимского района и в уголовно-исполнительной инспекции. Сказал, что намерен работать по найму на стройках, помогать ему материально и исправно соблюдать ограничения, установленные в отношении него судом. Но из-за того, что А. часто употреблял спиртное дома и не помогал ни материально, ни по хозяйству, они стали ругаться. Из дома отец А. не выгонял, просто просил перестать пить и начать зарабатывать деньги. В конце мая 2020 г. после очередного бытового конфликта А. сказал, что устал от всего, особенно от сотрудников полиции, которые его постоянно проверяют, боится, что его посадят за несоблюдение правил административного надзора, также сказал, что будет прятаться...». По данному материалу проверки было возбуждено уголовное дело в отношении А. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

Изучение законодательства об административном надзоре, а также опыта расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1

УК РФ, позволяет предложить следующий алгоритм следственных действий дознавателя: допросить в качестве свидетелей инспектора по надзору и сотрудников полиции, задержавших поднадзорное лицо; свидетелей из числа родственников и соседей подозреваемого с выяснением обстоятельств уклонения от административного надзора; приобщить к материалам дела сведения, характеризующие подозреваемого; оценить круг субъектов профилактической деятельности, влияние которых может способствовать устранению причин и условий совершения преступления; подготовить информационное письмо и (или) представление. При доставлении разыскиваемого поднадзорного лица допросить его в качестве подозреваемого, избрать ему меру пресечения.

Выполнение вышеперечисленных следственных действий позволит в процессе расследования уголовных дел данной категории в установленные законом сроки принять окончательное решение по уголовному делу направили в суд.

Считаем необходимым на законодательном уровне закрепить алгоритм взаимодействия таких структур исполнительной власти, как ФСИН России и МВД России, на этапе вынесения ходатайства об установлении административного надзора в целях проверки бытовых условий адреса места жительства (пребывания), указанного лицом, в отноше-

нии которого устанавливается административный надзор, а также установить контроль вышеупомянутых структур и на этапе следования поднадзорного лица к месту своего жительства (пребывания), путем его сопровождения до такового.

Сотрудникам полиции, осуществляющим контроль за исполнением поднадзорным лицом установленных ограничений, вести разъяснительную работу о правовых последствиях неисполнения такого ограничения с лицами, проживающими с ним.

Указать в предписании выдаваемому поднадзорному адрес специального приемника, в который он может обратиться в отсутствие реальной возможности проживать по заявленному им адресу.

Внести изменения в Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», дополнив ч. 1 ст. 11 п. 2.1 «В отсутствие реальной возможности проживать по заявленному месту проживания (пребывания) явиться по указанному в предписании адресу специального приемника для фиксации временной регистрации по месту жительства».

Отмеченная проблема – это еще один довод проработки регулирования всех аспектов реализации системы административного надзора на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2021).
2. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2021).
3. Бархатова Е. Н. Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Lex russica (Русский закон). 2018. № 7 (140). С. 72 – 81. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 19.02.2021).
4. Калинина О. М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.02.2021).

5. Астахова А. О. Уголовно – правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 230 – 232.

© Нугаева Э. Д.

© Ермолаева Л. Н.

УДК 343.123.11:343.231(470)

М. К. НУРКАЕВА, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

M. K. NURKAEVA, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ПРИРОДА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

NATURE OF CRIMINAL LIABILITY

Аннотация. В современном уголовном законодательстве Российской Федерации нет определения уголовной ответственности, поэтому исследователи пытаются восполнить этот пробел. Существуют различные подходы для решения создавшейся проблемы. На основе анализа уголовных и уголовно-процессуальных норм автор поддерживает позицию о том, что уголовная ответственность – это разновидность юридической ответственности. В статье рассматриваются вопросы возникновения, установления и реализации уголовной ответственности и дается ее определение. Также утверждается, что реальное претерпевание негативных моментов (последствий уголовно-правового характера) возможно после того, как вступит приговор в законную силу. До этого уголовная ответственность не реализуется, так как она, являясь объективной категорией, возникает в момент совершения преступления, далее начинает устанавливаться в ходе досудебного производства, после окончательно устанавливается судом в приговоре и начинает реализовываться с момента вступления приговора в законную силу.

Ключевые слова и словосочетания: юридическая ответственность, уголовная ответственность, обязанность, реальное претерпевание, уголовно-процессуальное право, уголовное право.

Annotation. In modern criminal legislation, there is no definition of criminal liability. Therefore, researchers are trying to fill this gap. There are various approaches to solving this problem. In the article, based on the analysis of criminal law and procedural norms, we support the authors' position that criminal liability is a type of legal liability. The article reviews the issues of origin, statement and realization of criminal liability as well as its definition. It also confirms that the real enduring of negative moments (circumstances of the criminal legal character) is possible after the sentence will come into force. Until that criminal liability is not possible as it being the objective category arises at the moment of crime, then is enacted during the pre-trial procedure, after that finally is enacted by the court in the sentence and starts its realization after coming into force.

Keywords and phrases: legal responsibility, criminal liability, duty, real suffering, criminal procedural law, criminal law.

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации нет определения уголовной ответственности, хотя это словосочетание употребляется только в Уголовном кодексе Российской Федерации. Вопрос о понимании уголовной ответственности в теории уголовного права до сих пор остается дискуссионным. Такой пробел в законодательстве пытаются восполнить исследователи.

Нет сомнений, что уголовная ответственность – это разновидность юридической ответственности [1, с. 604 – 605]. Однако понятия юридической ответственности и уголовной ответственности окончательно неопределенны.

Есть ученые, которые ставят знак равенства между уголовной ответственностью и наказанием [2, с. 69, 103; 3]. Также можно встретить авторов, которые под уголовной ответственностью понимают обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона [4, с. 222 – 223]. Ряд ученых рассматривает уголовную ответственность как претерпевание лицом тех лишений и страданий, которые связаны с порицанием, осуждением и наказанием за преступное деяние [5, с. 46]. В литературе была высказана также мысль о том, что уголовную ответственность нужно понимать двояко: негативно и позитивно [6, с. 78, 4; 7].

М. С. Строгович еще в 1946 году в учебнике «Уголовный процесс» высказал мысль о двояком понимании уголовной ответственности: в процессуальном и материальном значении [8, с. 291 – 293].

Уголовная ответственность в процессуальном смысле, как писал М. С. Строгович, возникает с момента принятия такого уголовно-процессуального акта, как решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, а в материальном смысле – со времени вступления приговора в законную силу [8, с. 291 – 293]. Однако с этой концепцией нельзя согласиться.

Согласно отечественному законодательству нет оснований для различных

понятий уголовной ответственности. Эта мера государственного принуждения имеет единое понятие и содержательную сущность.

В ст. 8 УК РФ закреплено, что для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы оно совершило общественно опасное деяние, содержащее признаки состава преступления. Таким образом, преступное деяние является юридическим фактом, обуславливающим данную ответственность.

Элементы состава преступления доказываются, устанавливаются как при досудебном производстве, так и при судебном разбирательстве. Отсюда уголовная ответственность одинакова на протяжении всего досудебного и судебного производства, и нет оснований для двоякого понимания уголовной ответственности.

Для определения природы уголовной ответственности следует разобраться с вопросом: с какого момента она возникает?

Вопросы определения уголовной ответственности и времени ее возникновения связаны между собой. Те авторы, которые отождествляют уголовную ответственность с наказанием и другими страданиями, усматривают возникновение уголовной ответственности с момента вынесения обвинительного приговора [2, с. 69].

Сторонники же второй точки зрения относительно понимания уголовной ответственности связывают момент ее возникновения с моментом совершения преступления [3, с. 222 – 223]. Некоторые ученые поддерживают высказывание, что таким моментом является привлечение лица в качестве обвиняемого [9, с. 21 – 25].

Представители негативного и позитивного понимания уголовной ответственности определяют момент возникновения этих видов уголовной ответственности по-разному. Согласно их позиции позитивная уголовная ответ-

ственность возникает с момента вступления в силу уголовного закона [10, с. 72]. Негативная же уголовная ответственность возникает либо с момента совершения преступления, либо с момента вынесения обвинительного приговора.

Так, с момента совершения преступления возникают уголовно-правовые отношения, которые существуют не в сознании лиц, а в реальной действительности. Они возникают независимо от расследования по уголовному делу.

Уголовная ответственность может также основываться на бездействии, когда обвиняемый был обязан действовать по закону и имел разумные возможности для этого. Юридическая обязанность действовать может быть наложена непосредственно законом, например, требованием подавать налоговую декларацию или может возникать из отношений между сторонами (например, обязанность родителей обеспечивать своего ребенка едой).

Ответственность за правонарушение требует, чтобы внешнее поведение обвиняемого удовлетворяло требованиям этого правонарушения и чтобы обвиняемый имел необходимое юридически заслуживающее порицания душевное состояние. Подсудимый, который удовлетворяет этим требованиям, тем не менее может не нести ответственность за правонарушение, если у него есть специальная защита или защита в соответствии с общими принципами уголовной ответственности.

С момента совершения преступления у государства возникает право осудить преступника, наказать его. В то же время именно с этого момента у преступника возникает право отвечать в пределах, установленных законом, и обязанность нести тяжесть публичного разоблачения и осуждения, а также отбыть наказание.

Если с момента совершения преступления у государства возникает право осудить преступника, наказать его, то начинается ли с этого момента реализация уголовной ответственности? Думается,

что нет. Уголовной ответственности подлежит только лицо, совершившее преступление. Следовательно, лишь с момента установления такого лица государство может возложить на него обязанность дать ответ в содеянном, осудить его и наказать. В связи с этим возникает практический вопрос о моменте установления лица, совершившего преступление. Этим моментом является привлечение лица в качестве обвиняемого, то есть с того момента начинается устанавливаться уголовная ответственность, но не возникать.

Когда же возникает уголовная ответственность? Выше мы писали, что с момента совершения преступления возникают уголовно-правовые отношения, и с этого момента появляется уголовная ответственность, то есть эти два явления связаны с совершением общественно опасного деяния. С момента совершения преступления у государства возникает право осудить преступника. В то же время именно с этого момента у преступника возникает право отвечать в пределах, установленных законом. У лица, совершившего общественно опасное деяние, обнаруживается возможность нести ответственность по уголовному закону независимо от расследования по уголовному делу [11, с. 30].

Однако это лицо может быть освобождено от такого рода государственного принуждения как на стадии возбуждения уголовного дела (ст. 24 УПК РФ), так и до привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. ст. 75–78 УК РФ, ст. ст. 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. ст. 28, 28.1 УПК РФ) в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законом.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что нельзя освободить лицо от невозникшей уголовной ответственности, поэтому она возникает раньше момента привлечения лица в качестве обвиняемого, с которого уже начинается процесс становления уголовной ответственности. В связи с этим необходимо различать возникновение

уголовной ответственности, ее становление и действительную ее реализацию. Возникает она с момента совершения преступления, процесс ее становления начинается с привлечения лица в качестве обвиняемого. Немало случаев, когда совершаются преступления, но они не расследуются, то есть может возникнуть уголовная ответственность, но она еще не реализуется.

Уголовной ответственности подлежат только лица, совершившие преступления. Поэтому лишь с момента установления лица, совершившего преступление, государство может возложить на него обязанность дать ответ за содеянное, осудить его и наказать. В связи с этим возникает практический вопрос о моменте установления лица, совершившего преступление. Этим моментом является привлечение лица в качестве обвиняемого. Тогда возникает вопрос: начинает ли реализовываться уголовная ответственность с момента привлечения лица в качестве обвиняемого? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

При привлечении лица в качестве обвиняемого следователь устанавливает, доказывает факт совершения преступления, виновность лица, тем самым здесь и дальше устанавливаются уголовно-правовые отношения (по сравнению с возбуждением уголовного дела). Следует заметить, что лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, виновно только по мнению следователя, поэтому вплоть до вступления приговора в законную силу оно не признается государством виновным.

Таким образом, привлечение лица в качестве обвиняемого не является реализацией уголовной ответственности, но это именно очередной этап установления уголовной ответственности (первоначальным этапом установления уголовной ответственности следует считать возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица). Процесс становления уголовной ответственности завер-

шается при вступлении обвинительного приговора в законную силу.

Исходя из указанных выше норм уголовного и уголовно-процессуального права, дающих возможность правоприменителю освободить лицо от уголовной ответственности, можно сделать вывод, что уголовная ответственность – это обязанность виновного претерпеть меры государственного принуждения. Однако такое определение также неполное, так как реальное претерпевание негативных моментов (последствий уголовно-правового характера) возможно после того, как приговор вступит в законную силу. До этого уголовная ответственность не реализуется, так как она, являясь объективной категорией, возникает в момент совершения преступления, далее начинает устанавливаться в ходе досудебного производства, потом окончательно устанавливается судом в приговоре и начинает реализовываться с момента вступления приговора в законную силу. Поэтому уголовную ответственность нужно понимать и как обязанность претерпеть уголовно-правовые последствия, и как реальное претерпевание этих последствий.

Для уяснения природы уголовной ответственности необходимо рассмотреть вопрос: как реализуется уголовная ответственность? Только ли путем назначения наказания? Было бы неверно свести эту ответственность только к уголовному наказанию, ибо уголовная ответственность и наказание соотносятся между собой, как общее и отдельное, наказание является хотя и типичным, но не единственным проявлением сущности уголовной ответственности.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. впервые разграничили понятия уголовная ответственность и наказание (ст. 3) [12]. Действующий уголовный закон поддержал это разграничение (главы 11 – 12 УК РФ).

Анализ УК РФ и УПК РФ позволил сделать вывод о том, что уголовная от-

ветственность реализуется посредством исполнения обвинительного приговора с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным (п. 1 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, ст. 73 УК РФ), обвинительного приговора без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

Уголовная ответственность также реализуется посредством исполнения иных мер уголовно-правового принуждения, которые применяются после освобождения лица от уголовной ответственности и наказания, например, принудительных мер воспитательного воздействия, пред-

усмотренных ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Таким образом, уголовная ответственность реализуется путем исполнения наказания, условного осуждения, порицания, предупреждения и иных мер уголовно-правового принуждения. Стало быть, уголовная ответственность складывается из всей суммы мер лишений, предпринимаемых за совершение преступления.

На основе изложенного, мы можем дать определение уголовной ответственности как обязанности лица, совершившего преступление, претерпеть меры уголовно-правового характера, так и реальное претерпевание мер уголовно-правового характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теория государства и права. Академический курс. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 639 с.
2. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М. : Юрид, лит. 1971. 240 с.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М. : Юрид. лит. 1976. 216 с.
4. Шаргородский М. Д. Понятие уголовной ответственности. В кн.: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. : Беляев Н. А., Шаргородский М. Д. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 648 с.
5. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 96 с.
6. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1965. 188 с.
7. Тюшнякова О. В. К вопросу о видах уголовной ответственности // Вестник Волжского Университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 4 – 9.
8. Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник. М. : Юрид, изд-во МЮ СССР, 1946. 511 с.
9. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М. : Юрид, лит., 1963. 275 с.
10. Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань : Изд-во КГУ, 1975. 110 с.
11. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М. : Юрид, лит., 1974. 232 с.
12. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон от 25 декабря 1958 г. Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989) (вместе с Основами законодательства). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2021).

© Нуркаева М. К.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru, gio_uyi@mvd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--